

Тома Ларионова

Бумеранг

всегда

возвращается

Книга 1

Откровения невестки

16+

Тома Ларионова

**Бумеранг всегда возвращается.
Книга 1. Откровения невестки**

«Автор»

2019

Ларионова Т.

Бумеранг всегда возвращается. Книга 1. Откровения невестки /
Т. Ларионова — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-10014-5

Мария уверена, что существует родовое проклятие. Кто проклял род? Раскроет ли она тайну, прочитав письма из прошлого? Повлияет ли проклятие на её жизнь, с детства не очень счастливую? Сможет ли она, такая хрупкая и сильная одновременно, противостоять ему? Спасёт ли её любовь и преданность мужа? Может, свекровь тоже является злой прорицательницей? Ведь именно свекровь пыталась за что-то отомстить Марии. Только всегда возвращается бумеранг, о котором все забывают, творя на свете зло... Действие романа начинается с семидесятых годов прошлого столетия. Главная героиня с детства считает, что в жизни всегда есть выбор, только судьба неожиданно вмешивается...

ISBN 978-5-532-10014-5

© Ларионова Т., 2019

© Автор, 2019

Тома Ларионова

Бумеранг всегда возвращается.

Книга 1. Откровения невестки

«Спасибо тебе, жизнь, за то, что я имею. За то, что берегу, о чём просить не смею... Спасибо за мечту, за радость и за слёзы. Спасибо за любовь, хоть временами грозы. Спасибо за полёт, хотя бываю сбита. Спасибо за друзей, хоть и не раз забыта. Души моей огонь становится всё ярче. Я есть. Дышу. Люблю. И в этом – уже счастье!» – из интернета.

Предисловие

Родовая книга...История рода. Если бы кто-то из моих предков оставил мне свои дневниковые записи, я бы с благодарностью их приняла и прочитала. Без прошлого, какое бы оно не было, не было бы настоящего, не было бы меня, не было бы моих детей. На свете существуют миллионы книг, человеку не под силу прочесть и половину. Но среди этих книг можно найти десяток-другой искренних записей, которые бы показывали обычную жизнь обычных людей. Именно к таким я отношу себя, Пимонову Тамару Ивановну, рожденную в небольшом селе Архангельской области 19 июля 1951 года. Мои родители не были счастливыми в браке, их трагическая история, конечно же, очень сильно повлияла на мою жизнь. Свои записи я начала в зрелом возрасте после замужества и рождения первенца в 1975 году.

В начале этого века многие мои знакомые, и я тоже, зачитывались книгами Владимира Мегре из серии «Звенящие кедры России». В шестой книге автор призывал всех начать писать свою родовую историю. Поддавшись обаянию Мегре, я тоже решила взяться за написание книги, используя свои дневники. К тому времени мои дети выросли, мне казалось, что они должны были поддержать меня. Но сын, узнав о моих намерениях и прочитав начало, возмутился: «Ты это хочешь печатать?». Я поняла, что не имею права разглашать тайны своих близких людей без их на то согласия. С тех пор прошло пятнадцать лет...

Всё, что делается в этой жизни, не бывает случайным. Теперь мои записи пригодились для написания не совсем родовой книги, но трилогии о жизни героини того времени, Марии Паниной, в судьбе которой, конечно, прослеживаются черты автора.

Для меня сейчас, когда я давно на пенсии, время – «собирать камни». Я наконец то созрела написать историю о непростом времени, в котором довелось жить.

Конечно, когда произведение написано от первого лица, невольно напрашивается ассоциация, что автор пишет о себе. В последнее время мне часто попадались такие книги, но я сразу отметала эту версию, зная, что писатель способен выдумать не только героев романа или повести, но и писателя, от имени которого ведётся рассказ. Скорее всего, при написании вспоминаются эпизоды из своей жизни, но они являются только вкраплениями в общую канву повествования. Именно поэтому хочу предупредить своих читателей, что я пишу не автобиографическое произведение, а роман, основанный, прежде всего, на воспоминаниях о той эпохе, где довелось родиться и жить. А родилась я и выросла в СССР! Не всё мне нравилось в то время, но я не могу сказать, что было всё очень плохо. Мне есть с чем сравнивать – пережила развал Союза, лихие девяностые, денежные дефолты, а теперь вот живу в эпоху капитализма, как когда-то говорили, гнивающего...

Итак, книга первая – «Откровения невестки». Не буду оригинальной, если скажу, что все женщины после замужества становятся невестками, исключение только для тех, у чьих мужей по каким-то причинам нет мамы. Семейных трагедий из-за вмешательства свекрови в жизнь молодой семьи – тысячи! Не обошла эта тема стороной и меня лично. В моём повествовании есть сцены, которые оставили глубокий след в моей судьбе, но очень много придумано по ходу написания романа. Мне хотелось на примере некоторых подруг показать и положитель-

ные примеры, когда свекровь становится первым другом и советчиком. К сожалению, бывает это крайне редко.

Если бы я писала автобиографию, то некоторые мои дальние родственники возмутились бы и могли подать на меня в суд. К тому же автобиография для читателя интересна только в том случае, если имя человека на слуху. Имя журналистки Тамары Пимоновой знакомо только в Белгородской области...

И ещё – если пишешь о себе, то должен говорить правду и только правду, а в моём случае это невозможно. О жизни бабушки, дедушки по материнской линии и мамы я достоверно ничего не знаю. Бабушка, рождённая до революции в обеспеченной семье, была раскулачена. Она боялась рассказывать мне о том периоде жизни. Слишком глубоко сидел в довоенном поколении страх после сталинских репрессий. Скажу только, что жизнь бабушки была нелёгкой, я попыталась показать это в романе. Бабушка и дедушка по отцовской линии тоже для меня – загадка. Все имена в романе вымышленные, не у всех героев есть прототипы. Прошу прощения у тех, кто, может быть, увидит в герое свои черты. Не нужно отождествлять себя с ним и принимать на свой счёт. Это всего лишь литературный герой со своей литературной судьбой, которую я могу повернуть в ту или иную сторону. В романе как раз можно изменить то, что было нельзя изменить в жизни, но очень хотелось. Когда сажусь писать, мои герои ожидают и как-бы сами диктуют, о чём писать дальше. Это так увлекательно!

Вслед за автором книг из серии "Звенящие кедры России" Владимиром Мегре я тоже могу сказать: "Я жила в тот период, когда человечество потеряло всякие ориентиры в жизни, оно как бы и не существовало в реальном мире. Его плоть питалась дарами реального мира, а сознание блуждало в иллюзорном. Везде процветал обман, коррупция, равнодушие, а, главное, люди перестали любить друг друга, понимать, прощать и помогать сделать наш мир лучше. Мы много лет уже живем в период реформ (с 1985 по 2015 г, когда я делаю эти записи), но нет общей национальной идеи, нет у людей стимула в жизни, нет светлого будущего. Некоторые, как и я, пытаемся вернуть свое сознание в реальный Божественный мир. Сколько смогу, столько и сделаю. Оставляю потомкам свои книги, в которых они будут пытаться понять, где правда, а где вымысел. Оставляю родовое поместье, которое мы с мужем с невероятными трудностями, но всё-таки, построили.

Я верю, что искренняя история моей героини не оставит равнодушными моих читателей.

Глава 1

Маша плюс Саша – равняется любовь!

– Дождались! Каждый день заглядывала в почтовый ящик – вдруг письмо? И телеграмму всё время ждали, а вы без неё приехали. Слава Богу! Поход закончился хорошо, вот вы и дома! Ты, Маша, – обратилась свекровь ко мне, – не поощряй его увлечение горами. Как уйдёт туда, у меня сердце не на месте! Очень переживала...

– Теперь Саша обещал только в походы ходить, – ответила я радостно, – с горами покончено!

– Вот и хорошо! Проходите в дом, я вам уже комнату приготовила, – мама Александра, Нина Даниловна, маленькая, полноватая женщина, суетилась, хваталась за рюкзак, стараясь нам помочь.

– Мама, не трогай! Я сам занесу, – Саша взял неподъёмный рюкзак и первый вошёл в двери небольшого деревянного дома. Я следом.

– Да тут уютно! – я огляделась. В чисто выбеленной комнате с низкими потолками у стенки стояла кровать с железными спинками, у окна примостился обеденный стол с деревянными стульями, в углу фанерный шифоньер, а рядом старый комод. На окнах висели голубые ситцевые занавески в мелкий синенький цветочек. На деревянном полу лежали домотканые половики. По моим наблюдениям, обстановка соответствовала пятидесятым годам. Да, не

богато жили родители Саши, но ведь я и сама не избалована роскошью! Мне не привыкать к простой деревенской жизни.

– Ты уж, Маша, извини, что не так... Мы к вашему приезду освежили всё, помыли, перестирали. Может ты, городская, привыкла к другой обстановке, но мы в Сибири так живём...

– Не волнуйтесь, мне всё нравится, – я пока не определилась, как мне называть свекровь, по имени-отчеству или мамой. Но уж точно не на «ты»!

Нина Даниловна оставила нас вдвоём и ушла готовить праздничный ужин.

– Саш, я пока не могу её никак называть, – пожаловалась я мужу. – Может быть, ты сам спросишь, как ей будет лучше? Назову по имени – отчеству, скажет, что официально, мамой – для меня непривычно, а уж тётёй Ниной и вовсе ни к чему... Как всё сложно! Раньше невестки приходили в семью и знали, что свекровь теперь для них наравне с мамой, а сейчас ничего не поймёшь! Вот уж свёкра я точно по имени-отчеству буду называть, хотя даже и без отчества можно, учитывая его возраст... На сколько он нас старше? На четырнадцать лет или чуть больше?

– Машенька, не бери в голову! Конечно, я спрошу у мамы, но ведь и от тебя многое зависит. Если трудно произнести слово «мама», зачем себя заставлять? – Саша посмотрел в мои глаза, и я сразу забыла обо всех печалях. Как же я любила его! Мне нравилось в нём всё – внешность, покладистый характер, доброта, отзывчивость и его трепетное отношение ко мне. А главное, он был рядом, мы вместе, и мы всё переживём!

Через день после нашего приезда в далёкий сибирский посёлок к родителям мужа вернулся и средний сын, младший брат Саши – балагур и весельчак Виктор. Он учился в культурно-просветительном училище по классу баяна. Братья отличались не только внешностью, но и по характеру. Виктор был похож больше на маму, такой же овал лица, заострённый к низу, тонкие губы и с небольшой горбинкой нос. Волосы тёмные и кудрявые, как у отца, которого я видела только на фото. В кого карие глаза, если у мамы и Саши – голубые? Наверное, тоже в отца, на чёрно-белом снимке не видно, а Саша помнил его смутно. Тот умер, когда ему не исполнилось и десяти лет. Виктор, младше брата на два года, тем более не помнил. По характеру Саша – основательный, медлительный, немногословный, как потом сказала свекровь, в деда, а Виктор – стремительный, лёгкий в общении, без труда оказывающийся в центре внимания в любой компании. Казалось, что он всех любит, и все отвечают ему взаимностью. С ним у меня сразу установились отношения как у брата с любимой сестрой, я ощущала его теплоту и искреннюю поддержку. Таких отношений со своими братьями у меня никогда не было. Как жаль, что по жизни общались мы с ним очень мало...

После замужества я была такая счастливая, что не допускала и мысли о том, что у меня могут быть огорчения и разочарования. Мне казалось, что тот беспрсветный школьный отрезок времени, когда хотелось только одного, сытно поесть, остался далеко позади, а теперь меня ждёт новая и светлая жизнь. Только так, а не иначе! Я встретила человека, с которым буду делить горе и радость, я обещала ему быть хорошей женой и относиться к его родственникам с уважением, а, может, и с любовью. К свекрови я ехала с убеждением, что она уже, судя по письмам, приняла меня в своё сердце, и у меня наконец-то появится заботливая мама. Как мне хотелось этого!

Обещанная сельская свадьба проходила во дворе дома под кронами деревьев. Кроме родственников Саши, я, конечно, никого из присутствующих не знала. Но мне было всё равно, я с благодарностью принимала подарки и поздравления. Среди спиртного было только две бутылки шампанского, стоящих на нашем столе, а в остальных был разлит самогон, сделанный... Сашиной мамой. Уже через час свадьба пошла, как говорится, вразнос!

– Убивает! Спасите! – даже я узнала по голосу, что с соседнего двора кричит Нина Даниловна. Саша тут же вскочил со своего места и перепрыгнул через плетень. Там он увидел отчима с топором в руках и свою маму, которую закрыли собою две соседки. Не думая об опасности, Саша подбежал к Григорию, выше которого был на целую голову, вырвал из рук топор и пригрозил:

– Сейчас в милицию сдам! Запомни, гад, я не дам тебе мать обижать!

– Саша, успокойся! Не надо милицию. Перепил человек. Сейчас отведём его в баню, пусть проспится, – Нина Даниловна виновато посмотрела на сына и как-то сникла.

Пьяного отчима увели какие-то родственники. Я наблюдала за этой сценой издали, но краем уха слышала, о чём говорили за моей спиной вскочившие со своих мест гости.

– Бедная Нинка! Хотя бы её сына с невесткой постеснялся! Надо же, во время свадьбы решил проведать свою зазную! И ещё топором машет, когда она их застала! Вот что ему надо? Нинка ему сына родила, а он ни одну юбку не пропускает! Что в нём бабы находят? Ни роста, ни рожи, да ещё и характер скверный – а гуляет напрапалую!

Я оглянулась. Кумушки тут же замолчали. Вернулась Сашина мама и всех попросила сесть за стол:

– Дорогие гости! Свадьба продолжается! Не обращайтесь внимания, с кем не бывает. Давайте снова наполним бокалы и выпьем за молодых! – потом обратилась к сыну:

– Шура! Я хочу пожелать вам с Машей прожить жизнь так, чтобы подобных сцен у вас никогда не было. И запомни – обидишь её, я тебе сама голову оторву!

После этого госта гости засмеялись, и веселье продолжалось. Будто и правда ничего не случилось. Только не у меня. Я сидела рядом с мужем и жалела женщину, которую Бог послал мне в свекрови.

– Почему она с ним живёт? – думала я, глядя на неё, любясь красивыми голубыми глазами, как у сына. – Неужели только из-за ребёнка? Но ведь двоих сыновей она практически сама вырастила! Как же можно так позволять унижать себя, да ещё при всех? И как можно любить человека и прощать его, зная, что он тебе изменяет? Или я чего-то не понимаю?

В моей голове такое поведение свекрови после скандального происшествия не укладывалось.

Нина Даниловна заметила, что я перестала есть и пить, да и на лице всё было написано, грустные мысли скрыть тяжело! Нет, не актриса я!

– Маша, что ты голову повесила? Всё образуется! Забудь, у вас же сегодня свадьба! Сейчас Виктору скажу, пусть баян достаёт. Петь и плясать будем! Знаешь, как я в молодости отплясывала! Нигде мне равных не было!

Виктора не нужно было просить дважды. Он поставил табурет под деревом, взял в руки баян и тут же начал играть «Барыню».

– Невесту с женихом в круг! – кричали гости.

Мы с Сашей вышли, хотя я не представляла себе, как я в свадебном платье буду плясать. Зря я волновалась. Гости, уже изрядно выпившие, не обращали на нас никакого внимания. Каждый плясал, как мог, а уж Нина Даниловна и правда в танце была хороша. То притопнет, то плечами поведёт, то закружится так, что ног под собой не чувствует, будто летает. Гости тут же стали в круг и начали хлопать. В толпе раздались возгласы:

– Ай да Нинка, молодец, дай жару!

В разгар танцев никто не заметил, как в калитку вошла девушка с белым цветком в распущенных по плечам русым волосам и в кремовом платье. Она дождалась, когда смолкла музыка, и обратив взор на моего мужа, громко воскликнула:

– Что же ты, Сашка, на свадьбу меня не пригласил? Испугался? А ведь это должна быть наша с тобой свадьба!

Нина Даниловна тут же подскочила к девушке, как я сразу догадалась, это была Татьяна, о которой она когда-то упоминала в письме, и схватила её за руку:

– Пойдём отсюда, не портить людям свадьбу!

Но Татьяна вырвалась и начала кричать:

– Люди добрые! Посмотрите на этого обманщика! Я его всю жизнь ждала, а он себе городскую нашёл! Сейчас я ей все космы повыдергаю! – и она сделала шаг в нашу сторону.

Дорогу ей перегородил Виктор, грубо развернул её и вытолкнул за калитку. Но Татьяна не унималась:

– Я не желаю вам счастья! Попомните мои слова!

Гости все смотрели на меня.

– Неужели снова меня кто-то проклял? – в голове словно молния, пронеслась мысль. – Только сегодня утром я чувствовала себя самым счастливым человеком!

По щекам покатались предательские слезинки, я выскочила из-за стола и помчалась в дом. Саша – за мной.

– Маша, погоди! Честное слово, я ей ничего не обещал! Хочешь, жизнью своей мамы поклянусь?

– Оставь меня! Дай побыть одной! – я на ходу сорвала с себя фату и сбросила туфли.

– Я никуда не уйду! – упрямо заявил муж.

– Помоги расстегнуть платье, – сквозь слёзы попросила я.

Сняв платье, я легла на кровать и уткнулась в подушку. Рыдания сотрясали всё тело. Саша сел на кровать и пытался повернуть меня лицом к себе, чтобы обнять и успокоить. Когда он приподнял меня, тошнота подступила к горлу:

– Мне плохо, воды... – Саша не успел отойти от кровати, как меня вырвало. Он тут же побежал за тазом. Так плохо мне не было ни разу в жизни! Нутро выворачивало наизнанку, во рту стоял привкус горечи. Я не помню, когда у постели появилась Нина Даниловна:

– Господи, девочка моя! Зачем же так переживать! Ничего у него с этой Танькой не было! Поверь мне! Это она себе придумала, что он обещал на ней жениться! Весь посёлок об этом знает! – она подошла ко мне и потрогала мой лоб. Наверное, ей показалось, что он горячий.

– Шура, пойди намочи полотенце в холодной воде!

Саша ушёл, а Нина Даниловна всё приговаривала:

– Не верь ей! Всё у вас будет хорошо, и счастьем вас Бог не обидит. Я же вижу, как Саша тебя любит. А в Сашиной родне по отцу все мужчины – однолюбы.

Я лежала с закрытыми глазами и так хотела верить в то, о чём говорила свекровь. Только зерно недоверия уже было брошено, и деревенская свадьба, о которой мечтала, была вконец испорчена. Сначала отчим с адюльтером, потом эта Татьяна без тормозов и женского самолюбия. Не слишком ли много? Наверное, это была компенсация за то, что студенческая свадьба, которая была у нас весной, прошла без происшествий.

Я осталась одна в постели, попросив свекровь, чтобы меня никто не беспокоил. И я невольно вспомнила, что в день студенческой свадьбы вместо радости с утра тоже лила слёзы. Почему? Да я и сама не знаю. Сентиментальная блажь? Сожаление, что в такой знаменательный день никого из родни у меня не будет? Страх перед неизвестностью? Неуверенность в правильности решения? Наверное, подобные вопросы одновременно скопились в моей головке с красивой свадебной причёской, а ответов на них не было. Что в таком случае делают молоденькие девушки? Вот именно, дают волю слезам!

В моей комнате в студенческом общежитии на самом видном месте висел плакат: «Маша плюс Саша, равняется Любовь!». Он появился тут в то время, пока я делала причёску в парикмахерской. Может быть, именно плакат вызвал этот поток слёз? Ой, не знаю! Наверное, все

невесты перед таким ответственным событием плачут. Всё-таки не каждый день выходишь замуж! Через полчаса печальные и тревожные мысли улетучились, сомнения развеялись, а слёзы высохли. Скоро должна подойти свидетельница, близкая подруга Марина, будем готовиться к поездке во Дворец бракосочетания. Жених со свидетелем приедет за нами через два часа.

В Сибири, по моим ощущениям южанки, есть только два времени года – суровая зима и жаркое лето. Март 1972 года стал исключением, под тёплым весенним солнцем огромные сугробы на глазах превратились в жалкие грязные островки, но в лесу снегу ещё осталось много. Сильные морозы ослабли, и было достаточно тепло, всего минус пять. До машины можно проскочить в платье. Девчонки, соседки по комнате и по совместительству подружки, убежали на лекции, оставив меня одну. Наверное, будь кто-то дома, я бы так не расклеилась. Не в моих правилах плакать на людях, я не принадлежу к тем барышням, которые разводят мокроту по любому поводу. Никто из подруг за четыре года учёбы не видел моих слёз. Девушка я решительная, с твёрдым характером, волевая и для своих лет, ну очень самостоятельная! Решение выйти замуж за Сашу с соседнего факультета я приняла без советов подружек. А тем более родственников, оставшихся в далёком южном городе Солнечногорске.

Отзвенел последний звонок. Прошли школьные экзамены, а потом и выпускной бал. Мы с подругой Милой гуляли по любимой аллее, на которой перед экзаменами мальчишки из нашего класса срезали розы, и делились планами на будущее.

– Давай уедем далеко, далеко, например, в Новосибирск, – предложила на полном серьёзе Мила. – Знаешь, мне так надоела мелочная опека мамы, что я боюсь по жизни остаться совсем одной. Мало того, что Бог внешностью обидел, так ещё и мать прохода не даёт. Я должна ей докладывать о каждом своем шаге, обо всех подругах и друзьях. Я тебе не говорила, что у меня наклёвывался роман с парнем из параллельного класса? Да что толку говорить! Все равно ничего бы не вышло. В девять часов я должна быть дома, иначе у мамы будет сердечный приступ.

– Так она же тебя никуда не отпустит, – резонно заметила я.

– Мы с папой решили ей ничего не говорить до самого отъезда. Я уже вещи потихоньку собираю. Решайся, поехали вместе!

С Милой, полное имя которой Милена, мы начали дружить в старших классах, после того, как моему отцу на производстве выделили трёхкомнатную квартиру во дворе буквой «П», где и жили многие одноклассники. Я шла на медаль, а Мила была, как тогда говорили, хорошисткой, причём, по некоторым предметам она чуть-чуть не дотягивала до заветной пятёрки. Как-то после уроков мы шли с ней домой и она робко спросила:

– Маша, а ты не могла бы со мной позаниматься математикой и английским? Мне обязательно в аттестате по этим предметам нужны отличные отметки, в институт именно их нужно будет сдавать.

– Почему и не позаниматься? Только не у меня, ты же знаешь, что у мачехи двое маленьких детей?

– Да? А я и на знала, что ты с мачехой живёшь!

– Мила, только специально в классе никому не говори, я не хочу, чтобы меня жалели. А начать можем прямо сегодня!

– Хорошо, у вас есть телефон? Я тебе позвоню, мне тоже с мамой нужно наши занятия согласовать. Она у меня дотошная, обо всех моих знакомых и друзьях я ей обязана докладывать.

Этим вечером, пройдя отбор на звание подруги Милы у её мамы, я впервые пришла к ним домой. Хорошо, что я девушка сдержанная! А то бы ходила по квартире и ахала. Выросшая в

семье со скромным достатком, я никогда не видела такой роскоши! В семидесятые годы прошлого столетия купить шикарную импортную мебель могли себе позволить только люди, обладающие властью или «блатом». В Советском Союзе ещё не было бедных и богатых, все жили примерно одинаково, кроме номенклатуры. У Милы отец занимал высокий пост на железной дороге, получал приличную зарплату и мог «достать» с каких-то складов самый лучший холодильник «Бирюза», стенку из натурального дерева, хрустальную люстру и большой цветной телевизор. А во многих семьях и чёрно-белый не могли себе купить – стояли за ним в очередях по спискам, которые создавались в профкомах на производстве. На полках обычных магазинов товаров не наблюдалось. Если по какой-то счастливой случайности в магазин завезут дефицитные вещи, то очередь выстраивалась такая, что приходилось стоять часами. Наверное, в такое с трудом верится в наши дни изобилия...

У Милы в трёхкомнатной квартире была своя комната, там стоял письменный стол с выдвигаемыми ящиками, застеклённый книжный шкаф с полными собраниями сочинений классиков, раскладной диван. Вся обстановка говорила не только о достатке, но и о вкусах хозяев. Тут цвет штор сочетался с цветом обоев, на полу лежал небольшой ковёр, а на подоконнике цвели алые герани. Я внимательно разглядела комнату и вздохнула:

– Везёт же некоторым! Отдельная комната! А мне приходится спать за занавеской в одной комнате с братом. Вечером он кричит, чтобы я выключала свет, а мне нужно уроки доделывать или хочется книжку почитать. Ругаемся с ним каждый день!

– Теперь допоздна можешь у меня уроки делать, здесь мы никому не мешаем, – Мила не скрывала радости, что я согласилась вместе заниматься и подтянуть её по нужным предметам. Усилия мои не пропали даром – у Милы в аттестате скромно выделялись две четвёрки среди остальных пятёрок. Теперь она не боялась вступительных экзаменов и мечтала оторваться от родителей.

Я тоже решила поступить в университет, только отец настаивал на том, чтобы я поехала в Москву. Наверное, я бы так и сделала, если бы подруга не предложила поступать в Новосибирский университет. Когда я увидела проспект этого престижного вуза и снимок городка среди сосен и берёз, я влюбилась с первого взгляда. Красиво и далеко от родителей!

Так мы с Милой оказались в Новосибирском Академгородке и подали документы в университет, правда, на разные факультеты, я на иняз, она на экономический. Конечно, Миле пришлось нелегко. Мать закатила истерику, кричала и плакала, пытаясь оставить дочь дома. И только отец, мудрый и любящий, понял, что пришла пора отпустить девочку в самостоятельную жизнь.

А жизнь, как известно, непредсказуема, она подбрасывает свои сюжеты. Милене не хватило одного балла, чтобы стать студенткой дневного отделения. Она решила учиться на вечернем, куда её зачислили с набранными баллами, и предварительно договорилась с начальником почты, что её возьмут туда работать. Куда там! Мама забросала её телеграммами с требованием вернуться немедленно домой и каждый день или через день вызывала на переговоры. Мила продержалась два месяца. Она уже устроилась на работу и нашла общежитие, когда получила очередную телеграмму: «Срочно выезжай! Мама лежит в больнице. Отец.»

Ей ничего не оставалось делать, как уехать к родителям. О самостоятельной жизни теперь можно и не мечтать.

Я провожала Милу на вокзале и сдерживалась, чтобы не расплакаться. Я в семнадцать лет считала себя взрослой и не позволила бы родителям в приказном порядке вернуться домой, а Мила, поздний и единственный ребёнок, поступить с мамой так жестоко не могла. Да и выбора у неё не было, папа с телеграммой не мог обмануть. В ноябре уже выпал снег, и мы стояли на перроне, взявшись за руки, замёрзшие, в лёгких ботиночках и демисезонных пальто. А снежинки падали на наши лица, превращаясь во влагу, и не поймёшь, где слёзы, а где вода. Расставаться всегда трудно. Я в Сибири осталась совсем одна...

– Маша, ты о чём задумалась? – Марина дотронулась до моего плеча. – Не нравится мне твоё грустное лицо! У тебя сегодня свадьба!

– Да вспомнилось мне, как я попала в Сибирь. До революции сюда сослали, а я добровольно приехала! Ехали с подругой, только она вернулась домой, а я, похоже, проживу тут всю жизнь. Саша – он ведь коренной сибиряк! И родственники его живут не далеко от Байкала. Он мне как-то сказал, что маму, когда она пойдёт на пенсию, к себе заберёт. Чтобы я готова была жить со свекровью. Чудной! До старости далеко, зачем загадывать?

– Маша, а ты виделась с будущей свекровью? – обеспокоенно спросила свидетельница.

– Да, мы с Сашей ездили к ним на каникулах. Она мне понравилась, простая женщина, и, как мне показалось, добрая. Меня встретила как родную! Сразу дочкой начала называть. Мне так непривычно! Никто дома меня так не называл! Мне кажется, я ей понравилась!

– Вот и хорошо! Свекровки знаешь какие злые бывают! А всё потому, что жена уводит от неё сына, и он теперь будет сначала у жены спрашивать совета, а потом уж у матери. Не всем дано такую ситуацию принять, и тогда уж держись, молодая жена! Мало не покажется!

– Марина, а у тебя откуда такие познания? Напугаешь сейчас!

– У меня старшая сестра замуж вышла, и ей пришлось жить в семье мужа. Каждый день прибегала к нам и жаловалась на свекровь, которая влезала во все их с мужем дела. Чуть до развода не дошло! Ушли жить на квартиру.

– Так у меня свекровь далеко! Вряд ли она к нам часто приезжать будет. Так что мне скандалы из-за неё не страшны.

– Ой, Маша, не зарекайся! Мне частенько мама говорила: «Жизнь протянется, всего достанется!». Что-то у нас тема какая-то, нашли о чём говорить! Ты мне лучше честно скажи – ты любишь Александра? А то у меня сложилось такое впечатление, что он с тебя пылинки сдувает, а ты позволяешь их сдувать.

– Мариш, мы давно с тобой дружим, а ты мне такие вопросы задаёшь! Конечно, люблю! Только я не могу при людях выражать свои чувства и считаю, что и не надо этого делать. Есть любовь-страсть, а есть любовь-дружба, так для замужества страсть не очень подходит. Перегорит – и пепел оставит. Главное, я уверена, что из нас получится хорошая пара, и мы сумеем создать прочную семью, где главное – любовь, понимание, уважение и общие интересы. Ладно, заболтались мы, давай уже платье надевать, скоро Саша с Аликом за нами придут! Вот тогда я и заставлю жениха пылинки с меня сдуть!

Длинное белое платье из жатой ткани я шила сама. Всегда мечтала выйти замуж в длинном! Над моей кроватью в бабушкином доме висела картина «Неравный брак», я жалела молодую невесту, вышедшую замуж за старика, но в то же время любовалась её нарядом. Как же она хороша в нём была! Я представляла себя в этом платье, а рядом молодого и красивого жениха. Я его даже во сне видела – высокого, голубоглазого, с русыми волосами и ямочкой на подбородке. И мечта моя сбылась! Саша отвечал всем моим требованиям, внешность я уже описала, а по характеру спокойный, рассудительный, ответственный и добрый. При всех своих положительных качествах ещё занимался альпинизмом, не пил и не курил. Тёще цветы дарить не нужно, мачеху в её роли я представлять Саше не стала. Так что с женихом, можно сказать, повезло!

Свадебное платье не было похоже на то, с картины, но оно подчёркивало мою стройную девичью фигуру и отличалось тем, что я весь перед расшила жемчужными бусами, а Саша сделал мне из таких же настоящую корону принцессы. В то время, как я уже упоминала, в магазинах даже ткань на платье можно было достать с трудом, а в свадебных салонах, кроме туфель и тёмных костюмов для жениха, ничего не продавалось. Костюм Саше мы там и купили. И похож мой суженый был на принца из девичьих снов, только ни у него, ни у меня, в приданое не предлагалось пол-королевства или, на худой конец, хотя бы однокомнатной квартиры... Мы оба воспитывались в небогатых семьях, где родители, как тогда презрительно говорили, кре-

стьянски-пролетарского происхождения. И в этих семьях мы первые стали студентами! Не без гордости замечу, что поступили в университет самостоятельно, надеясь только на свои знания, и скоро получим высшее образование. Мы с ним стояли на одной социальной ступеньке, перебивались на одну стипендию и с надеждой смотрели в будущее...

Я не знала такой приметы, что платье на свадьбу самой шить нельзя. Мне об этом сказали уже на розовой свадьбе, десятилетия с того памятного дня, когда нас официально объявили мужем и женой. Мы смеялись и всем говорили, что в плохие приметы мы не верим!

О нашей студенческой свадьбе мы вспоминали часто, рассказывая о ней детям и внукам и показывая фотоальбом. Да и правда, какую весёлую, озорную, с выдумками и шутками свадьбу придумали нам друзья! В Загс мы поехали на белой «Волге» вчетвером со свидетелями, на вторую машину денег не нашлось, а у студентов семидесятых личного автомобиля на всём потоке не было ни одного! И как же мы без них обходились? Нормально! Все были бедные, но счастливые! В Загс мы ехали долго, потому что хотели зарегистрировать его во Дворце бракосочетания Новосибирска, а не в обычной конторе в Академгородке. И заявление мы подавали за три месяца до свадьбы. Вот бы узнать, кто и сколько прожил в браке, зарегистрировав его в тот же день! Мы же с Сашей в прошлом году отметили рубиновую свадьбу. Но я отвлеклась. Не помню сам обряд дословно, в памяти почему-то остались слова свидетельницы перед тем, как нам выйти из комнаты для невест:

– Маша, помни, что на ковёр ты должна ступить первой! Тогда будешь по жизни руководить мужем!

Глупые мы были! И такая установка на главенство в семье женщины до добра не доводит. Женщина должна быть нежной и слабой, тогда у мужчины будет желание её защищать и оберегать. Но в те времена нас учили по-другому...

Мы на ковёр ступили одновременно, а вот когда на свадьбе нам преподнесли хлеб с солью, я откусила большой кусок. Как же смеялись друзья в тот момент, когда этот кусок я проглотить не смогла! Пришлось запивать шампанским, а в бокалы свидетели успели положить наши обручальные кольца, предварительно сняв их с наших пальцев. Бокалы по традиции мы разбили, а кольцами снова обменялись. Как-то сумбурно описываю свадьбу, впрочем, многое тогда прошло мимо меня, народу было около ста человек, с двух факультетов. Разве невеста может за всем уследить?

Итак, во Дворце бракосочетания мы поставили подписи на документах и получили свидетельство о браке. Все нормальные женихи с невестами после Загса едут на банкет. Мы же поехали через весь город – в роддом! Смешно? Все роженицы с первого по четвёртый этаж тоже смеялись, увидев подъезжающую «Волгу» с куклой-невестой на капоте. Слышались возгласы типа: « Вот молодцы, сразу после регистрации и в роддом!», или «Уже рожать?». Но мы приехали к единственной родственнице Саши, его родной тётке Тане, которая жила в Н-ске и в это время лежала на сохранении. Она очень просила показаться ей в день свадьбы, чтобы благословить наш брак на правах старшей. Ей в виде исключения разрешили выйти в тамбур, чтобы нас обнять и расцеловать. Тогда в роддомах порядки были очень строгие, никаких посетителей не пускали дальше порога приёмного отделения.

– Саша, я рада, что у меня, кроме племянника, появилась и племянница! Живите, ребята, дружно, любите и уважайте друг друга, пусть радость и горе всегда делятся пополам! Желаю вам получить дипломы и пока не попадать в это заведение! – тётя обняла нас и, попрощавшись, ушла в палату. Жалко, что ни одного снимка об этом интересном событии у нас нет...

Когда мы подъехали к студенческой столовой, где ребята, друзья Саши, заказали банкет, то нас уже заждались. Около порога стояли две фигуры из снега – жених с невестой. На голове у снежной девицы-красавицы возвышалась корона. Кто же видел меня до того, как мы сели в машину? Загадка. Мы вошли в столовую, кто-то у нас забрал верхнюю одежду. Вместе со

свидетелями мы подошли к лестнице, уходящей на второй этаж. Здесь нам преградили путь друзья-альпинисты с ледорубами. Не помню, какое задание нужно было выполнить, чтобы нас пропустили наверх. Запомнилось само действие, словно сказочные старинные топоры поднимались перед нами, пропуская вперёд. А перед накрытыми столами встретила нас одна из моих подруг с хлебом и солью. Про кусок хлеба я уже написала. Да только потом оказалось, что свидетель попросил Сашу нарочно сделать вид, что он кусает хлеб. Так и смешнее, и настроение у невесты не испортится. Вдруг и правда от величины откусанного куса что-то зависит?

Наверное, я упустила самое главное. А главное то, что Саша мне перед свадьбой дал честное слово, что с альпинизмом он распрощается, и мы вместе начнём ходить в туристические походы. Никаких восхождений! Мне не хотелось рисковать его жизнью и своей судьбой, я и в молодые годы была уверена, что бережёного Бог бережёт. Наверное, зная, что Саша уходит из альпинизма, друзья и решили приветствовать нас ледорубами. Забегая вперёд, скажу, что муж слово своё сдержал...

Таких свадеб, как у нас, теперь не проводят. Тогда мы все были студентами и получали стипендию в сорок рублей. Из этих денег каждый выделил десять рублей на проведение свадьбы. И подарок смогли купить – появившийся тогда магнитофон «Комета». А веселье стояло такое, что ни в сказке сказать – ни пером описать! Кто-то придумал вручить невесте яблоко с воткнутыми туда спичками. Яблоко нужно обязательно съесть, а за каждую вынутую спичку целовать жениха. Почему всем так смешно было, даже не знаю. Потом меня украли, а жених долго искал, или делал вид, что искал, но, увидев суженую в плотном кольце подруг, выкупил за бутылку сухого вина с интересным названием «Гымза». В каждую годовщину свадьбы я смеялась, мол, дешёво он тогда отделался! Отлично помню первый вальс. Саша смотрел на меня с такой любовью и нежностью, будто не верил своему счастью. Следующий танец был «твист». Мы сели на свои места, ведь неприлично невесте в длинном платье выделять такие замысловатые движения бёдрами и коленями одновременно – танцевать твист. А друзья-студенты веселились от души! Точно помню, что никаких серьёзных происшествий не было – ни пьяной драки, ни выяснения отношений, ни скандала. В самый разгар свадьбы появился у нас Сашин друг детства, служивший недалеко от Академгородка. Сказал, что сбежал в самоволку. Девчата, а многие ещё не были замужем, с восторгом разглядывали красавца курсанта в форме с погонами. С кем он танцевал, с кем познакомился – это уже для меня загадка. На свадьбе один из друзей Саши с юмором рассказал, как они накануне праздновали мальчишник. Для истории они решили всё записать на магнитофон. Но... Утром кто-то догадался послушать запись и удивился – сколько нецензурных слов они употребляли! Пришлось всё стереть, для нежных ушей невесты запись оказалась не пригодной. А ведь жених хотел преподнести кассету мне в подарок! Не получилось. И всё же мы преподнесли друг другу подарки, я ему наручные часы, которые до сих пор хранятся в коробке, а он мне – позолоченные кофейные ложечки. Таких не было ни в его, ни в моей семье. Это тоже наша реликвия.

Свадьба была в разгаре, когда кто-то из знающих обряды, сказал, что жених с невестой уже устали и отправляются домой. Помню, что мне пришлось подколоть подол платья булавками, потому что в общежитие мы не ехали на белой «Волге», на неё денег уже не было, а шли через ночной лес пешком! Вдвоём, без друзей и свидетелей. Хорошо, что догадались взять зимнюю обувь, ведь в лесу снегу было по колено! Добрались!

В общежитии физиков нам выделили комнатку в восемь квадратов, куда Саша уже перевёз от тётки подержанный раскладной диван. Как потом оказалось, вместе с клопами. А я их раньше никогда не видела! Да, Саша попытался их протравить, но с первого раза не получилось. Так что первая ночь у нас прошла с гостями от тётушки! Когда вошли в комнатку, то меня поразило то, что жених даже здесь накрыл для нас стол. Скромно, но с шампанским и фруктами, яблоками и апельсинами. Конечно, есть и пить уже не хотелось. Впереди нас ждала первая брачная ночь...

Утром, часов в 10, пришла в гости свидетельница Маринка. С ходу набросилась на нас:
– Привет! Почему вы заставили меня за вас отдуваться? – Марина быстро сняла пальто и уселась на диван.

– А что случилось? – с испугом спросила я.

– А ты не видишь? Посмотри на меня внимательно!

Я оглядела подругу с ног до головы – всё те же русые волосы с причёской «каре», выразительные зелёные глаза в обрамлении густых ресниц, правильный небольшой нос, пропорциональная фигура, немного склонная к полноте. Всё при ней! Потом я задержала взгляд на лице:

– Ну, губы немного припухшие. Мы – то тут при чём?

– Так гости обнаружили, что вы уже ушли, и вместо «Горько» начали кричать «Кисло»! Алик был уже хорош, и конечно, воспользовался ситуацией. Целовал по-настоящему! А у меня, между прочим, жених в деревне! – Маринка не на шутку разошлась.

– Мариш, ну перестань. Все же понимали, что поцелуи шуточные...

– Маша, так у меня и синяк есть, какие же это шутки! – Маринка кипела от праведного гнева.

– Ты предлагаешь Саше набить Алику морду? Только теперь это не поможет!

– Ладно, ничего я не предлагаю, просто выговориться нужно было. Так, я смотрю, у вас тут на столе и конфеты, и печенье, давайте чай пить!

Я набрала в электрический чайник воды из-под крана, он находился в туалетной комнате, и воткнула вилку в розетку. У нас в комнатке стоял письменный стол и маленький журнальный столик, был и один стул. Так что мы с подругой разместились на диване, а Саша сел на стул во главе стола. Не успели мы выпить по глотку, как в дверь робко постучали.

– Войдите, – крикнул Саша.

Дверь приоткрылась, и в щель просунулась голова Алика с вихрами стоящих дыбом волос и заспанным лицом.

– Так тут уже гости! А я всё жду, когда меня на чай пригласят!

– Мы не приглашали, Маринка сама пришла.

– Ладно, наливайте и мне чаю, – Алик закрыл за собой дверь и присел на диван рядом со свидетельницей. Она резко вскочила и пересела справа от меня.

– Ты что, Мариша? – спросил свидетель удивлённо.

– Да ничего! Посмотри, что ты наделал! – она вытерла салфеткой помаду и показала Алику синяк на нижней губе.

– Извини, бывает! Наверное, увлёкся немного...

– Ладно, прошу, если подаришь коробку «Птичьего молока»!

– Да где я его возьму, это же дефицит! – возмутился Алик всерьёз.

– Не моё дело. Говорят, можно купить в ресторане, – Маринка явно кокетничала.

– Ну, ты, мать, даёшь! Ладно, не обещаю скоро, но достану. Да, молодожёны, я к вам не просто так, а с хорошей новостью. Сколько у вас после свадьбы денег осталось?

– Почти ничего, меньше рубля, – сказал Саша со вздохом.

– Так теперь будет целая стипендия! Сегодня в кассе можешь получить материальную помощь к свадьбе. Наш староста написал заявление, и его удовлетворили, – обратился он к Саше.

– Ура! Теперь мы богачи! – я от радости подскочила с дивана и кинулась в объятия мужа.

Да, слово какое-то непривычное – муж! Муж – объелся груш! Да какие тут груши в Сибири? Хорошо, хоть яблоки привозят. Вчера на столах были, да и сегодня пару штук лежат на тарелке. Жить можно! Главное, теперь рядом с любимым! И в горе и в радости. Всем так хочется, и каждая невеста, выходя замуж, только об этом и мечтает. Я – не исключение. По словам многих моих подруг, мы с Сашей – идеальная пара!

Между тем, чай мы уже выпили, и ранние гости собрались уходить. Первый выскочил Алик, крикнув «пока», потом я с Мариной вышла в коридор. Подруга шёпотом спросила:

– Ну как всё прошло?

Я покраснела и ответила:

– Не знаю. Это у тебя какой-то опыт есть, у меня его нет... Всё нормально. И в подробностях, извини, никому, даже тебе, моей свидетельнице и лучшей подруге, рассказывать об этой стороне жизни не собираюсь!

– Ну и ладно, не рассказывай. Нужен будет совет – обращайся! – Марина явно обиделась. Мы распрощались. Больше на эту деликатную тему мы с ней не разговаривали – тогда интимную жизнь не принято было обсуждать.

О нашей свадьбе говорили долго, вспоминая все интересные моменты. Нам с Сашей не давали прохода, поздравляли все знакомые, которые по каким-то причинам на торжестве не были. Материальную помощь выделили не только Саше, но и мне тоже. Так что в начале семейной жизни у нас на двоих было девяносто рублей – целое состояние для студентов! Мы сразу решили, что начнём откладывать деньги на свадебное путешествие. Сберегательные книжки у нас уже были, и по ним, как сейчас помню, начисляли в конце года проценты. Мелочь, а приятно!

Второй день после свадьбы выпал на субботу, и хотя занятия у нас проходили, мы их успешно пропустили. Учёбу начнём с понедельника! А пока нужно перенести все вещи из моего общежития в нашу маленькую, но уютную комнатку. Из громоздких вещей у меня была ручная швейная машинка – одна на всё общежитие. Понятно, что девчонки сожалели, что я переехала, бегать в соседнее общежитие, чтобы починить или подшить какую-то вещь, уже не набегашься. Зато в новом общежитии узнали о машинке и постоянно просили что-то прострочить. Да, забыла о такой забавной вещи – на свадьбу нам подарили настоящий пуд соли – 16 кг! Кто-то из друзей Саши принёс его нам на следующий день, таким образом, всё общежитие пользовалось солью в течение года и даже больше! Так что, пуд соли мы съели досрочно! Впрочем, притирка характеров и привычек у нас проходила без скандалов. Саша вообще человек спокойный и уравновешенный, вывести его из себя не могли мои придирки или капризы. Если его что-то не устраивало, он говорил прямо. Или молчал до тех пор, пока я не остыну. Впрочем, я тоже девушка не скандальная, стычки у нас проходили не часто. Всё же мы – идеальная пара!

В те времена мы, я имею ввиду общество в целом, ещё писали друг другу записки, а родственникам – письма. Свекровь, Нина Даниловна, хотя на свадьбу не приехала, но денег выслала. Для нас, студентов, сумма в 200 рублей была огромной! Вот что она написала перед свадьбой:

«Дорогие мои дети, Маша и Саша! Я рада за вас и поздравляю от души с вашей свадьбой! Посылаю немного денег. Сразу хочу предупредить, чтобы вы ничего о деньгах не говорили мужу. Он очень ревнует меня к сыновьям. К сожалению, приехать на свадьбу я не могу, у нас поросята, куры и утки, так что хозяйство я на маму оставить не смогу, она уже слабенькая. Да и Игорёк ещё маленький. Ничего, сынок, всё у вас будет хорошо. Летом приедете с Машей, мы тут тоже устроим свадьбу. Тогда и родственников пригласим, и соседей, и твоих одноклассников. Кстати, Танька до сих пор не верит, что ты женился. Она так надеялась, что ты вернёшься сюда, и она выйдет за тебя замуж. Она мне всё время прохождению не давала, всё спрашивала, когда приедешь. Напиши ей сам. А так, у нас всё по-прежнему, все здоровы, чего и вам с Машей желаем. Целую и обнимаю, мама.»

Конечно, прочитав письмо, я расстроилась и прямо спросила Сашу:

– Что за Таня? Почему она тебя ждала? И почему ты мне ничего о ней не говорил?

– Машенька, честно, я только сам об этом узнал. Ну, мы танцевали с ней в восьмом классе, я провожал её после танцев... Было такое. Я даже её не целовал! С какой стати она меня ждала, я не представляю! И писать сейчас не собираюсь!

– Ладно, тогда я сама ей напишу. Пусть не надеется и не ждёт!

– Хочешь, пиши. Только без выпадов! Знаю я вас, девчонок!

– А я тебе покажу, что написала.

– Хорошо, почитаю. Я помню твои письма из стройотряда, у тебя такой слог, зачитаешься! Тебе бы романы писать!

– Может, когда и напишу, – я задумалась, – а кому интересна будет моя жизнь? В ней уже было столько горя, обид и разочарований... Ты же знаешь, что мне не хочется вспоминать своё детство? Боль до сих пор сидит во мне, я загнала её вглубь, но ведь она никуда не делась!

– Всё, Машенька, не будем продолжать эту тему, – Саша подошёл ко мне, крепко обнял и поцеловал. И все плохие мысли улетучились...

Какое счастливое время после свадьбы у нас было! Саша тогда возглавлял секцию лыжников и через день ходил на тренировки, я записалась в бассейн и в клуб бальных танцев. Вечером мы гуляли по лесу, видневшемуся из окон общежития. Весна вступала в свои права, вокруг всех зданий студенческого городка росли сосны и берёзы, на которых как-то незаметно свесились светло-зелёные серёжки. Воздух здесь, в Академгородке, был упоительно чистым, пропитанным запахом хвои. Если идти через лес, то тропинка приведёт прямо к водохранилищу, названному Обским морем. Где-то вдалеке виднелся остров. Как-то в выходной день, а уже стоял июнь, мы с Сашей к вечеру пришли на пляж. Там была и лодочная станция. Мне не составило труда уговорить мужа покататься на лодке. Прокат тогда стоил копейки. Кажется, в залог Саша отдал свой студенческий билет. Я тогда уже знала, что муж не любит плавать, но в лодке был спасательный круг, и погода стояла отличная, во всяком случае, солнышко над горизонтом виднелось ещё высоко. Мы поплыли к острову. Саша снял майку, и я любовалась его работающими мускулами. Тренировки не прошли даром! Я подставила лицо ласковым лучам, закрыла глаза. Под равномерный всплеск вёсел почему-то вспомнила, как мы с ним познакомились...

Нет, наша встреча с будущим мужем не произошла в первый месяц и даже год учёбы в университете. Все случилось на третьем курсе. У меня была подруга Дина, с которой мы не только сидели вместе в аудиториях, но и доверяли друг другу самые сокровенные тайны. Так вот, эта самая подруга в шутку предсказала мне жениха.

В большом потоке студентов, которые на перерыве перемещаются из аудитории в аудиторию, мы как-то заметили паренька с огромными голубыми глазами. В следующий раз, увидев его, подруга, смеясь, воскликнула: «Смотри, вот твой жених идет!». Мы прыснули от смеха и помчались на занятия. А вечером в нашем общежитии были танцы. Мы с Динкой никогда их не пропускали! И вдруг она снова меня толкает в бок:

– Ты только посмотри, кто пришел!

Мы встретились с голубоглазым парнем взглядом.

Вскоре в толпе я увидела одного знакомого физика Алика, с которым вместе ездили в стройотряд. Он направился к нам. А следом наш таинственный незнакомец! Алик для вежливости поболтал о каких-то пустяках, а потом повернулся к товарищу:

– Кстати, знакомьтесь, Саня. Я с ним живу в одной комнате. Спортсмен, комсомолец и просто отличный друг!

Мы с подружкой тоже назвали себя, только она тут же ушла танцевать. Саша робко пригласил меня и потом весь вечер не отходил ни на шаг. Танцы заканчивались в 23 часа и не позже. Музыка выключали, свет гасили. Я с Сашей вышла в тамбур. Сейчас уже не помню, о чём мы разговаривали. Зато на всю жизнь запомнила, как они с Аликом меня разыграли:

– Маша, помнится, ты очень хотела прокатиться на велосипеде, – сказал Алик. – Приходи к нам завтра в общагу, мы тебе найдём велосипед. Договорились?

Часов в девять я постучала к ним в комнату. Открыл Саша, одетый в спортивную форму.

– А где Алик, он же обещал со мной кататься? – искренне удивилась я.

– Его нет, он уехал в Новосибирск в библиотеку. Но велосипед тебе оставил и поручил сопроводить. Можем ехать! – как-то загадочно произнёс Саша.

. Как потом оказалось, они заранее обо всём договорились! Но я была девушкой рискованной, не отказалась, да и Саня с первого взгляда показался мне человеком надёжным. И мы поехали кататься по Академгородку. Стоял май, берёзы уже распустили почки. Красота неопи-суемая! Мы объехали городок вокруг, спустились к Обскому морю. Полюбовались на воду. А потом у меня вдруг резко заболел желудок. Как я могу признаться в этом малознакомому парню? Терпела, сколько могла. Но Саша заметил мое состояние.

– Что-то случилось? – с тревогой спросил молодой человек.

Я призналась, что больше не могу ехать. Он покатил два велосипеда, а я, согнувшись почти пополам, шла рядом. В общаге нас встретили Сашины друзья. Бледную и обессиленную, они уложили меня на кровать, а Саня помчался по комнатам искать для меня лекарство. Кто-то посоветовал напоить больную водкой с солью, мол, помогает. Они влили в меня полстакана «лекарства», а потом, поддерживая с двух сторон, отвели в соседнее общежитие. Хорошо, что дома были девчонки, они вызвали «Скорую».

Ранним утром услышала робкий стук в дверь. Открыла – и вижу испуганные голубые глаза. Это Саша до занятий пришёл узнать о моем здоровье. А потом начал приходить каждый вечер. На свой день рождения в июне, уже после сдачи сессии, которую он успешно провалил, Саша пригласил меня в поход на речку Бердь. У друзей попросил огромную импортную палатку оранжевого цвета. Деньки стояли солнечные, тёплые. Мы купались и загорали, а в палатке целовались до «одури». Тогда мы были целомудренные, и о «большем» до свадьбы, так нас воспитывали, не могло быть и речи!

Рано утром я выглянула из палатки и ахнула. На пляже словно выпал снег! Это тысячи бабочек прилетели приветствовать нашу любовь! Я выбежала из палатки и прыгнула в речку. Белое облако из бабочек вспорхнуло и окутало меня целиком. В восторге я подставляла им руки, брызгала на них водой, ловила и выпускала. Никогда в жизни я не видела столько бабочек одновременно! А, может быть, это были ангелочки или эльфы? Или так выглядело счастье?

Через месяц Саша сделал мне предложение. Только я, зная точно, что суженый появился в моей жизни, решила проверить чувства и отложила ответ до весны...

Оказывается, уже год прошёл с того счастливого дня...

– Машутка, ты задремала? – окликнул меня муж.

Я открыла глаза, поморгала и увидела, что мы приближаемся к берегу.

– Нет, не сплю. Вспомнила, как вы с Аликом меня разыграли. Наверное, эту историю будем рассказывать детям и внукам. Какие хитрецы всё же! А куда мы прибыли?

– К острову. Тут везде песочек, я отдохну, а ты можешь поплавать!

– Здорово! – я выскочила из лодки и на ходу сняла с себя ситцевое платье.

– Какая же ты у меня красавица! – воскликнул Саша. – Не зря я влюбился в тебя с первого взгляда, когда увидел в аудитории по истории. Помнишь, у нас были совместные занятия?

– Ладно, Саш, потом подробности расскажешь, я побежала плавать!

С разбегу я прыгнула в воду и поплыла от берега. Солнце светило мне прямо в затылок, а впереди неясными очертаниями виден был берег с лодочной станцией. Далековато остров! Нет, я не собиралась плыть туда, просто мимоходом отметила про себя. Заплывать далеко я не хотела по одной причине – Саша сам плавал плохо и за меня переживал, если не видел меня где-то рядом с берегом. Надо жалеть молодого мужа!

Накупавшись и обсохнув, я залезла в лодку. Солнце закрыли облака, хотя ещё час назад их нигде не было. Мы отплыли от острова. Море начало волноваться. А там, на горизонте, уже скопились тёмные грозовые тучи! Господи, хотя бы пронесло! Где-то послышались первые раскаты грома. Саша налёг на вёсла, но и волны усилились. Мне казалось, что мы стоим на месте. Вода начала попадать мне на платье, а потом и в лодку. Под сидением я нашла черпак, а Саше сказала, чтобы спасательный круг он пододвинул к себе. Я смогу удержаться на плаву и без него в случае, если лодка перевернётся. Начался дождь. Я видела, с каким остервенением муж налегал на вёсла, чтобы скорее добраться до заветного берега. По моим ощущениям, мы боролись с усиливающимися волнами больше часа, намокли до нитки, но всё же причалили. Там, на берегу, уже собрались люди, переживавшие за нас. Кто-то заботливо набросил на меня полотенце и направил нас с Сашей под навес. Дождь прекратился минут через двадцать. Лодочник вздохнул облегчённо, отдал Саше документ:

– Вы, ребята, молодцы! Справились! Я уже хотел на подмогу катер по радиации вызывать. Значит, родились в рубашке. Оба! – и он по-доброму засмеялся.

Я вытерлась сама и вытерла голову мужу. Коленки дрожали. Мы попрощались и быстрым шагом через лес пошли в общежитие. Вот такими мы были бесшабашными!

Хорошо, что в этот вечер в общежитии работал душ. Промокшие до нитки, мы отогрелись под струями горячей воды, потом выпили чаю с мёдом. Я не могла избавиться от мыслей, что с нами было бы, если бы лодка перевернулась. В те далёкие времена я часто и долго переживала события, которые со мной уже произошли. Они мне не давали покоя ни днём, ни ночью. Саше я не стала рассказывать о своих поздних страхах, ему и так бедненькому досталось. Он показал мне свои ладони с кровавыми мозолями, их вид привёл меня в ужас. Я не знала, что с этим делать, а поэтому намазала тем, что у нас было – йодом. Не смотря на усталость и боль в руках, Саша всё же заснул быстро, а я лежала рядом и представляла бушующее море. Волны, чёрные и страшные, обрушивались на меня, стараясь проглотить. Отгоняла видения и говорила себе, что всё уже позади, мы живы, в безопасности, но шум воды долго ещё стоял в ушах. Под этот шум я и заснула. Сон был отчётливым, будто я смотрела кино:

«Берег моря, песчаный пляж, вечереет. Небо заволокло тучами, над морем сверкают молнии, касаясь воды. Я держу за руки маленьких детей, белокурую девочку и мальчика со смешным чубчиком. Мы бежим босые вдоль моря, ветер хлещет нам в лица, развевая белые одежды. Я знаю, что мне нужно спасти детей от надвигающегося шторма, ускоряю шаг, но не вижу выхода с пляжа. Он весь огорожен колючей проволокой! Впереди скалистый мыс, но и там нет прохода, проволока закреплена на столбах, стоящих на камнях. Я в страхе поворачиваю обратно и вижу, что шторм усилился, волны накатываются на берег, оставляя совсем маленькую полоску между водой и заграждением. Мы подбегаем к проволоке, я отпускаю руки детей и начинаю отгребать песок, чтобы пролезть под проволокой. В это время начался ливень, раздались жуткие раскаты грома, и непрерывно сверкали молнии. Дети кричали от ужаса и тянули ко мне ручки. Я уже вырыла яму, подлезла под проволоку, подала детям руки и... проснулась.

Рядом посапывал муж, повернувшись ко мне лицом. У меня бешено колотилось сердце, и я продолжала находиться на том страшном берегу и не понимала – удалось ли мне спасти детей? Чьи это были дети?»

Глава 2

Всегда ли мечты сбываются?

Я посмотрела на будильник – только пять утра. Что делать в такую рань? Я потихоньку, чтобы не разбудить мужа, надела спортивный костюм, кеды и выскользнула из комнаты. Когда спустилась вниз с третьего этажа, то поняла, что дверь в общежитии закрыта на засов, а дежурного на месте нет. Ну и ладно! Я открыла дверь сама и вышла на улицу. Прямо в глаза ударили

первые солнечные лучи, я зажмурилась, потом отвернулась и посмотрела на наше окно. Оно выделялось тем, что на стекле я нарисовала акварелью смешную рожицу. Так, для настроения. Перейдя пустынную дорогу, я углубилась в лес и нашла свою тропу, которая привела меня к огромной сосне. Я с детства не боялась ходить по лесу одна, а здесь, в Академгородке, построенном так, что ни одно лишнее дерево не было уничтожено, я часто гуляла в лесу даже ночью. Особенно после стройотряда, когда я предельно ясно поняла, что моя первая любовь в одночасье прошла, испарилась. Бывает так, что встречаешься с человеком каждый день в течение двух лет, считаешь его близким, а только в экстремальных условиях понимаешь, что рядом с тобой не тот, с кем ты можешь прожить свою жизнь. А ведь однокурсники считали нас с Виталием гармоничной парой и собирались после стройотряда погулять на нашей свадьбе. Не сложилось, не сбылось... Конечно, расставание для меня лично тоже не было лёгким, особенно я горевала, когда он меньше чем за полгода забыл меня, вернее, нашу любовь, и женился на старшекурснице с ребёнком. Вот тогда я и начала гулять по ночному лесу одна и нашла себе дерево, у которого плакала и просила помощи в поисках того, единственного, для которого я родилась. Глупо? Может быть... Мне тогда не хотелось ни с кем делиться своим горем, обидой и разочарованием. Даже с Маринкой, с которой и познакомились в стройотряде, и кто стал свидетелем краха любви и свидетельницей на нашей свадьбе с Александром.

Без труда нашла свою любимую сосну, обняла её и почувствовала, что она рада мне. Никто в целом мире не знает, и Саша тоже, что я дружу с деревом. Засмеют! Гораздо позже я прочитала в умной книге, что деревья действительно живые и могут подпитывать человека положительной энергией или забирать болезни. Около сосны мои мысли приходили в порядок, душа успокаивалась, а жизнь в целом казалась не такой уж и плохой. Не знаю, сколько я простояла в обнимку с любимым деревом, которое никогда не предаст и не обманет, но мне стало гораздо лучше, и вчерашние кошмары растаяли в дымке леса. Успокоенная, я вернулась в общежитие. Саша открыл глаза и спросил:

– А ты куда собралась? Бегать, что ли? Подожди и меня, я быстренько оденусь.

– Хорошо, подожду. Ты так сладко спал, я не хотела тебя будить после вчерашнего.

– Да я уже всё забыл! Зачем вспоминать вчерашний день? Мы же с тобой договорились не верить в плохие приметы и не мусолить прошлое!

– Ладно, одевайся, умник!

Мы сделали два круга трусцой по тропинке в лесу и вернулись в общагу. Нужно было идти в университет на консультацию. У нас осталось по два экзамена, а потом мы едем в Алма-Ату в горы в свадебное путешествие. Нам удалось скопить на него около двухсот рублей. В 70-е годы прошлого столетия при средней зарплате в 110 рублей мы чувствовали себя богачами! Билет на поезд стоил тогда в пределах десятки, гостиницу мы не заказывали, а собирались сначала остановиться у родителей друга Саши, а потом в горах жить в палатке, подаренной нам на свадьбу альпинистами. После так называемого свадебного путешествия мы с Сашей должны сразу ехать в небольшой городок Сибири, где живут родители мужа. Там у нас будет деревенская свадьба. Когда я выходила замуж, мне не исполнилось и двадцати лет, муж на месяц меня старше. Мы тогда были и наивными, и смелыми, и уверенными в себе, ничего не боялись и в будущее смотрели с оптимизмом.

Когда мы с Сашей отправились на консультацию, то я заглянула в почтовый ящик. Он представлял собой полочку с ячейками, где на каждой была буква. Я по привычке пролистала письма на букву «Л», а потом на букву «П». Теперь, после свадьбы, я стала Панина Мария Ивановна. Непривычно как-то. Да и моя девичья фамилия Ларина мне нравилась. Что поделаешь? Хотела замуж, носи фамилию мужа. Хорошо, что она не такая уж и плохая, со временем привыкну. Хуже было бы иметь фамилию Козлобородова, или Пустозвонова или Чуб. Да разве мало некрасивых фамилий? Ой, что-то я отвлеклась! А тут посылка от тётки и письмо от Милены. Давно она мне не писала. Я сложила корреспонденцию в сумку, и мы пошли в универ.

В аудитории для консультации я увидела подружку Дину. В гости к нам ей ходить было некогда, она у нас была теперь старостой после того, как я после замужества написала в деканат просьбу освободить меня от этой должности. Да и очередной роман у подруги был в самом разгаре и занимал все свободные вечера. Так что мы теперь с ней встречались практически на занятиях и переменах. Мы обнялись.

– Маш, привет! А ты всё хорошеешь! Как у вас с Сашей?

– Всё отлично. Вчера вот в шторм попали, еле доплыли до берега.

– И это ты считаешь отлично? – Динка округлила глаза от ужаса.

– Конечно! Могло всё закончиться трагически. Но мы живы-здоровы и строим планы на лето, – я улыбнулась.

– Ладно, потом подробности расскажешь, – Дина встала со своего места и отнесла журнал преподавателю для переключки. Экзамен хотели сдать все, отсутствующих не было.

Предмет у меня не вызывал затруднений, поэтому я под партой вскрыла конверт от Милены, расправила письмо и положила его в конспект.

«Здравствуй, моя дорогая подружка! Я рада за тебя, что свадьба прошла хорошо, и сожалею, что не могла приехать. На фото вы с Сашей выглядите очень счастливыми! Да и пара из вас получилась красивая. Ещё раз желаю тебе, моя хорошая, счастья! Ты его заслужила!»

У меня всё по-прежнему. Учусь, помогаю родителям. Мама становится ещё более придирчивой и подозрительной. Как и в школе было, так и сейчас – о каждом своём шаге я должна ей докладывать. В девять часов вечера должна быть дома, иначе сердечный приступ, истерика и папины умоляющие глаза. Всё это просто ужасно! А мне ведь 21 год! И я не виновата в том, что я у мамы единственный и поздний ребёнок! Папа понимает, что мне нужно давать больше свободы, но против мамы он идти не хочет. Наверное, моя участь – остаться без семьи и детей. В институте у нас в группе почти одни девчонки, где я могу познакомиться с парнем? Да и город у нас как Иваново, на десять девчонок даже не девять, а восемь ребят. К четвёртому курсу все парни у нас в группе женились, с моей внешностью я не могла соперничать с первыми красавицами. Была у меня мечта выйти замуж в Сибири, но, увы... Завидую тебе по-доброму! Пиши!»

Мне в очередной раз стало жалко Милену, и я непроизвольно вспомнила наше прощание на перроне. Бедная моя подруга! И ведь ничем не поможешь...

По дороге из университета я заскочила на почту и получила посылку от тёти Вали, которая жила на Кавказе. Увесистый ящик! Да ладно, справлюсь, дотащу! Это сейчас, когда я уже на пенсии и набралась жизненного опыта, я бы сама на почту за посылкой не пошла, дождалась бы мужа. А тогда хотелось быть самостоятельной и независимой! Равенство полов во всём! Издержки социалистической системы и воспитания в семье? Наверное. Что поделаешь, время было такое!

Так вот, дотащила я посылку до третьего этажа, вошла в комнату – Саша уже пришёл с консультации и чистил картошку. Увидев тяжёлый ящик, он воскликнул:

– Маша! Ты не могла меня подождать? Надорвёшься! Тебе же ещё детей рожать!

– Ладно, не ругайся, уже донесла. У тебя есть кусачки, чтобы гвозди выдернуть?

– Сейчас найду. А ты тогда картошку жарь, я уже начистил.

– Какой ты молодец! – я искренне похвалила мужа, чтобы не погасить в нём хозяйственную искру.

Через некоторое время посылка была вскрыта. Тогда это был фанерный ящик, где крышка прибивалась гвоздями. Потом, лет двадцать назад, такие ящики на почте заменили на картонные. В дни нашей молодости без топора, плоскогубцев или даже лома, посылку открыть было невозможно!

– Саша, смотри, сгущёнка! – я с радостью начала вытаскивать содержимое. В посылку тётка положила ещё банки с тушёной, печенье, карамельки и сухофрукты. На дне ящика лежало письмо и небольшой свёрток, завернутый в газету. Конечно, я с нетерпением открыла конверт. Письмо было коротеньким, обычным. В конце тётя Валя сделала приписку: «Высылаю тебе, Маша, письма твоей мамы Лилии, которые она писала мне с Севера после своего замужества. Может быть, прочитав их, ты сможешь понять и простить свою мать.»

Я отдала письмо мужу, он прочитал и изменился в лице:

– Маша! Я прошу тебя сейчас не открывать свёрток и ничего не читать. У нас впереди свадебное путешествие, а ты испортишь себе настроение, а оно отразится на мне. Давай пока оставим всё как есть! Отдай мне свёрток, пусть хотя бы до осени полежит. Прошлое никуда не денется, с ним можно будет разобраться позже. А вот прекрасное будущее мы сами должны себе построить! – Саша обнял меня и долго на отпускаял. А я и не вырывалась, чувствуя его силу и желание меня защитить и оградить от боли. Я согласилась с его доводами и не стала смотреть содержимое свёртка. Признаюсь, потом, до отъезда, я несколько раз порывалась открыть его, но сдерживала своё женское любопытство.

Ура! Наконец-то сессия была позади, мы её сдали на пятёрки и оба будем получать повышенную стипендию. Вот что значит жить на подъёме! Всё у нас после свадьбы ладилось и спорилось, всё было отлично! Билеты на поезд мы тоже уже купили. Осталось собраться в дорогу и сдать лишние вещи из комнаты в камеру хранения. Общежитие стремительно пустело, сокурсники разъезжались кто куда – домой, в стройотряд или на отдых. В свадебное путешествие умудрились поехать мы одни, причём, с рюкзаками! И набрали столько вещей, что рюкзаки эти поднять можно было с трудом. Вещи нужны были для похода по горам, а также для деревенской свадьбы – моё платье и Сашин костюм. Но мы не унывали, ко всему относились с долей юмора.

– Саша, а давай в горах наденем свадебные наряды и с рюкзаками пойдём в горы! Прикольнo будет!

– А, что? Идея хорошая! Сделаем фото и потом продавать будем! Разбогатеет!

– Я смотрю, у тебя предпринимательская жилка есть! Не пропаду с тобой! – Саша иногда мог и пошутить.

Алма-Ата (именно так тогда называлась столица Казахстана) запомнилась мне изобилием яблок и жарой. Яблоки – сочные, спелые, с красными бочками – предлагали везде, и ведро стоило 10 копеек! Впрочем, некоторые продавцы отдавали их даже даром. После Сибири, где зимой яблоки стоили 3-5 рублей за килограмм, такие цены нас удивляли и восхищали. Вот где коммунизм!

– Девушка-красавица! Бери у нас яблоки! Они такие же румяные, как твои щёчки! – зывали нас продавцы.

Мы прикупили ведёрко яблок, и нам его хватило на всё наше свадебное приключение. Первые два дня мы жили у родителей друга Саши, имени которого мы сейчас даже не помним. Тогда его не было дома, он ушёл в горы. Гостеприимство казахов меня тоже поразило – нам выделили комнату и относились к нам, как к родне. Кормили, поили, советовали, куда сходить и что посмотреть. Впрочем, мы не злоупотребляли гостеприимством, нам не терпелось остаться одним в своей новой палатке.

Мы остановились в предгорье горы Медео, где в те времена построили первый каток в горах. Рыжая польская палатка, поставленная в зарослях высокой травы, виднелась издали. Когда мимо проходила какая-нибудь группа туристов, то мы, как правило, слышали возгласы:

– А там, наверное, остановились инструкторы, палатка шикарная!

Меня это забавляло. Сейчас даже трудно себе представить, чтобы мы вдвоём без оповещения родных и близких, а также без регистрации в каких-нибудь туристических организа-

циях, пошли в горы и ничего при этом не боялись! Мы на полдня могли оставить палатку без присмотра, не беспокоясь за сохранность своих вещей. Жалко, ушли те времена без возврата...

Каждое утро мы отправлялись по маршруту на небольшую высоту в горах, так называемую седловину, с лёгким рюкзаком, где держали бутерброды и чай. По пути Саша показывал мне вершины, которые он когда-то покорил. От их величия захватывало дух. Саша смотрел на них с восхищением и сожалением, а я со страхом – как я смогу его удержать, если он нарушит обещание и сбежит в горы? Но пока он своё слово держал.

Погода стояла отличная, все намеченные маршруты мы прошли, можно было собираться в дорогу. Меня ждало испытание встречей с родственниками Саши, а особенно со свекровью. Ей в то время было только сорок лет, а младшему сыну Игорю всего пять. Как потом я узнала, второй муж Григорий младше свекрови на шесть лет. Так вот почему Саша с радостью уехал из дому, когда после восьмого класса поступил в физико-математическую школу при нашем университете! Отчим пытался наладить отношение с подростком и заставлял называть его отцом, это при разнице в 14 лет. Смешно! Как я потом поняла, смеяться было рано...

Встретили нас в родном посёлке Саши очень приветливо. Мать кинулась нас обнимать... А потом была деревенская свадьба, о которой я уже упоминала в самом начале своих откровений. Лучше бы её и не было!

В конце августа мы вернулись в Академгородок. За нами оставили ту комнату, в которой мы проживали, и где стояла наша ценность – диван. За день об устроились, а вечером к нам прибежала Маринка, посвежевшая и похорошевшая. Кинулась меня обнимать и приговаривать:

– Как же я соскучилась! Как путешествие, как свадьба?

– Мариш, погоди, обо всём расскажу, давайте пока перекусим, что Бог послал, и чаю попьём. А то мы с Сашей даже не пообедали, всё вещи по местам раскладывали.

– Конечно! А Алик уже вернулся?

– Да, я его мельком видела. А ты хочешь его на чай пригласить? И по нему соскучилась? – я посмотрела на подругу со значением.

– Конечно, но не в том смысле! Просто для вечеринки с молодожёнами свидетеля всё же не хватает! Саш, пойдй найди Алика!

Мужа не было минут десять, за это время Маринка мне успела рассказать, что её жених Валентин приезжал на побывку, и она отлично провела время в родной деревне.

– Привет, Маша, привет, Марина! – Алик, как всегда, выглядел взъерошенным и, как говорят, был в доску своим.

– Что у вас вкусенького к чаю?

– У нас всё вкусенькое, мы же из дому приехали, мама пол-рюкзака продуктов положила! – ответил Саша, протягивая руку для пожатия.

– Как хорошо жить по соседству с женатиками, с голоду не дадут помереть! – Алик уселся за стол и разлил всем чай. Он в любой компании чувствовал себя, как дома, не обращая внимания на то, кто и что может подумать. И мы любили его такого, каким он был, немного взбалмошный, но в тоже время, добрый, безотказный и покладистый. Одним словом – настоящий друг!

На столе у нас была домашняя колбаса, сало, сыр, масло, порезанный батон, печенье и конфеты. Картошку я жарить не стала, в первый день решила обойтись и так. Алик намазал хлеб маслом, положил сверху несколько кусочков колбасы, откусил и воскликнул:

– Да вы там как в коммунизме жили! Такой колбасы я никогда не ел!

– Мама к нашему приезду вырастила свинку, так что все каникулы мы объедались мясом. А разве по нам не видно, что мы поправились? – ответил Саша.

– Да вроде бы такие, как и были...

– Так это он меня вместе с братом по горам таскал! Наверное, боялся, что я поправлюсь, – смеясь, вставила и я словечко. А то за этими мужчинами не успеешь ничего рассказать!

– Мариш, а помнишь, в стройотряде мы целую неделю питались одной солёной горбушей? Мы её вымачивали и даже пытались жарить!

– Я тоже помню! Я, как снабженец, каждый день выслушивал претензии ребят, будто я один виноват был в том, что в эту глушь «только самолётом можно долететь», вернее, вертолёт-том. Но денег на него у нас не было! Вот и питались как попало. А если бы у нас такая колбаска была, да хлеб с маслом... Меня бы на руках носили!

– Ладно, нашли о чём вспоминать! Думаете, если вы все были в стройотряде, мне это сейчас интересно? – Саша решил переменить тему разговора. – Алик, сходи за гитарой, споём что-нибудь!

Алик пришёл не просто с гитарой, а ещё и с ребятами из группы. Конечно, всем предложили чаю, сделали бутерброды. Не было у нас в студенчестве такого, чтобы не поделиться с товарищами тем, что у тебя есть. Сегодня мы угощаем, завтра нас. А чаще всего посиделки проводили в складчину, каждый приносил к столу варенье, стущёнку или сухарики. Весело мы жили, беззаботно! Вот и этот первый вечер после каникул прошёл на ура! Саша, как и раньше бывало, взял в руки гитару, и мы все подпевали ему. Пели бардовские песни – Окуджавы, Визбора, Кима, Никитиных... После я пошла провожать Маринку, не терпелось поделиться с ней впечатлением от поездки к родственникам Саши.

– Как свадьба прошла? – спросила подруга после того, как мы закрыли двери и оказались на улице. Стоял прохладный сентябрьский вечер, уже стемнело, а около общежития загорелись фонари.

– В двух словах не расскажешь. Если одним, то очень плохо!

– Наверное, просто не повезло?

– Скорее всего, не нужно нам было соглашаться её там проводить! – и я в подробностях рассказала подруге о том, что произошло. – Конечно, Сашина мама попыталась меня успокоить, но неприятный осадок в душе остался. Мне так кажется, что забыть эту свадьбу я не смогу никогда! Вот почему, Марин, хорошее мы как-то быстро забываем, а о плохом помним всегда?

– Не знаю, наверное, человеческая психика так устроена. Мы с сестрой как-то поссорились из-за моего платья, я не разрешила его ей надеть на свидание. Давно это было, а ведь летом она напомнила мне про обиду! Я забыла, а она, оказывается, помнит! Я ей предложила это платье совсем забрать, но она отказалась, говорит, что теперь оно ей не нужно. И почему мне жалко стало тогда этого платья? Теперь ничего не изменишь и не исправишь – даже такую мелочь!

– Так и вся жизнь из мелочей состоит! Только мы не хотим понять, что каждый день неповторим, и жизнь мы не можем прожить в черновике. Сразу пишем её набело! Не успеваем подумать хорошенько, когда говорим что-то или делаем. А потом стыдно бывает за свой поступок. Только ничего исправить нельзя! Мы такие несовершенные! – Марина слушала внимательно, глядя на меня. – Ой, ладно, заболтались мы с тобой, Саша там заждался уже!

Мы распрощались на пороге её общежития, и я почти бегом помчалась домой. Да, комната в восемь метров была первым нашим домом, и мы её любили, до сих пор вспоминая, как выбирали в отделе тканей простенькую занавеску из штапеля, как вешали гобеленовый ковёр, подаренный моей бабушкой Дашей, как хранили зимой продукты в авоське, повесив её на форточку, за неимением холодильника. Нас не раздражала теснота, мы понимали, насколько нам повезло, что мы имеем комнату с удобствами, а не живём на съёмной квартире. В принципе, мы дома находились только поздно вечером, а днём ходили на занятия, к лекциям готовились в читальном зале или в пустующих аудиториях, после ужина занимались в секциях. Времени катастрофически не хватало! Зато было совсем не скучно!

Когда я вернулась, Саша уже убрал со стола и раздвинул диван.

– Маш, чего вы так долго болтали! Ты же знаешь, что я без тебя спать не лягу, а глаза уже закрываются!

– Прости, милый, заболтались, всё лето ведь не виделись! – я чмокнула мужа в щёку. – Да, я хотела тебя спросить – где тот свёрток с письмами, который прислала мне тётя Валя?

– Не терпится начать читать? Я в шкаф их положил на верхнюю полку. Знал, что не сегодня – завтра попросишь их отдать. Ты уверена, что тебе нужно знать, что там написано?

– Я и так долго ждала. Ты ложись, я включу настольную лампу и, честное слово, прочитаю только одно письмо! – в это время я уже надела ночную рубашку из хлопка.

– И не будешь плакать? – с сомнением в голосе спросил он.

– Постараюсь читать отстраняясь, будто меня лично они не касаются. Ведь письма написаны были в то время, когда меня ещё не было, или я только родилась. Моя бабушка говорила, что меня в Солнечногорск привезли весной, когда мне исполнилось только девять месяцев. Представляешь, как давно это было?

– Давно. Ладно, не засиживайся! – муж отвернулся к стенке, а я села за стол и развязала пакет. Письма в пожелтевших конвертах лежали стопкой, на углах простым карандашом кто-то проставил номера. Я взяла первое письмо, открыла конверт и вынула исписанный убористым почерком листок в клеточку. С волнением начала читать:

« Привет с Севера! Здравствуй, моя дорогая сестра Валя! Когда я скоропалительно вышла замуж, тебя не было дома, ты училась на курсах и не знаешь многого. Не знаю, что тебе рассказала мама, но она, желая мне счастья, уговорила принять предложение Ивана. Я согласилась не потому, что полюбила его с первого взгляда, а от отчаяния. Ты помнишь Василия, который бегал за мной ещё в школе? Так вот, мы должны были с ним пожениться в июне, а в конце мая он ехал на рыбалку на велосипеде, и его сбила машина. В больнице он умер, не приходя в сознание. Я не знаю, как я пережила этот удар судьбы, я плакала каждый день. А потом, дорогая сестрёнка, к своему ужасу, я обнаружила, что беременна. Ты знаешь нашу маму, она бы, узнав эту новость, просто с позором выгнала меня из дому. А тут Иван. Это был выход из положения, да ещё он сразу предложил уехать к себе на родину. Я в тот момент не решилась признаться ему, что беременна, а потом и подавно, узнав его крутой нрав, решила ничего не говорить. Когда родился сын, а он был худой и бледный, мне удалось всех убедить, что он недоношенный. Рожала я в соседней деревне, что за рекой в пятнадцати км, в небольшой сельской больнице, где работала одна фельдшер, а в помощницах у неё необразованная санитарка. Не хочу тебя пугать, скажу только, что роды были затяжными и с большой кровопотерей. Меня еле спасли, причём, дома меня выхаживала свекровь, давая какие-то отвары трав. Здесь, в деревне, где живут родители Ивана, его мать считают ведуньей. К ней многие приходят за помощью, в этой деревне в больницу в распутицу попасть невозможно даже на тракторе! Я рожала зимой, меня муж отвозил на санях, запряженных лошадей, ведь у родителей очень большое хозяйство – две лошади, три коровы, козы, поросята, куры. Пока ехали, я натерпелась страху – где-то выли волки, а санный след петлял между высоких сосен. И мы ехали одни! Я стонала от боли, да и от страха стучали зубы. Иван не обращал на меня внимания, он вообще молчаливый и скупой на ласку. Когда довёз, передал санитарке и сказал:

– Ты, это, держись там!

Даже не поцеловал! Развернулся и уехал обратно, ему утром нужно было на работу. Ты представляешь, Валюша, в больнице всего лежало два человека, я и какая-то старуха. Она тоже за меня переживала. Когда появился мальчик, она его перекрестила и сказала:

– Нет, ты не отмучилась. Всё у тебя впреди.

Валюша, тут все старухи, наверное, ведьмы. Край суровый, сюда после революции бежали все, кому было что скрывать. Тяжело мне здесь! Я боюсь лишнее слово сказать, боюсь не угодить свекрови или свёкру. Тот очень крут, видно, Ваня в отца. Сядут все за стол и в молчанку

играют. Не то, что у нас было! Песни пели, собирались всей родней. Я иногда вспоминаю молодость и плачу в подушку. Муж практически со мной не разговаривает и не помогает с ребёнком. Мне очень одиноко! За что мне такая доля? Ладно, любимая моя сестрёнка, малыш плачет, пойду успокаивать. Целую всех. Надеюсь, что мой секрет ты никому не раскроешь. Лиля, 18 марта, 1950 г. с. Никольское.

Когда я дочитала письмо, то поняла, что плачу. Бедная моя мама, как ей было непросто с нелюбимым мужем в далёком холодном краю! Почему же так сложилась её жизнь?

Я долго не могла уснуть, хотя и обещала мужу, что расстраиваться из-за писем не буду. Только одно дело сказать, а другое – исполнить. Мы не можем до конца знать заранее, как будем реагировать на какое-то событие. Я поняла после прочтения письма, что переоценила свои силы. Мне казалось, что четыре года молчания сделали своё дело, и я похоронила в памяти своё детство. Когда я дала Миле согласие поехать с ней в Сибирь, я скрыла от неё, да и всех окружающих, один важный для меня момент – я хотела встретиться с мамой. Родной мамой, которая жила под Читой в поселении. Я думала, что в первые же каникулы поеду к ней. Судьба была ко мне и на этот раз безжалостна! До первых зимних каникул бабушка написала, что Лилия вернулась домой и живёт теперь у неё. Господи, как я плакала тогда, получив это письмо! Так плачут, когда невозможно достичь цели, к которой стремились несколько лет, и приходит осознание, что от тебя в этой жизни ничего не зависит! Неужели мы пешки в чьей-то жестокой игре?

Отец, когда женился, сказал нам, детям от первого брака, что наша мама умерла в Сибири через год после отъезда, но я лично не поверила ему, хотя тогда, в десять лет, пережила самые тяжёлые минуты своего детства. Никому не пожелаю два раза подряд потерять мать! Сначала отец подал в суд на лишение её родительских прав, и по его настоянию за тунеядство маму, это при трёх малолетних детях, сослали в Сибирь. Смутно помню сцену прощания – мама в слезах обнимает нас, а мы цепляемся за неё и не хотим отпускать. Отец грубо схватил её за рукав и оттащил от нас. Она села в машину и уехала на вокзал... До сих пор перед моим взором её глаза, полные слёз и отчаяния...

Потом мачеха, изо всех сил стараясь, чтобы мы называли её мамой, показала нам какое-то письмо, в котором подтверждалось, что Лиля умерла. Где-то в глубине своей наивной детской души я не верила в смерть мамы, я ждала и надеялась на чудо... Как-то случайно я услышала разговор бабушки Даши со своей сестрой, в котором они обсуждали, что послать дочери, чтобы она пережила холодную зиму в Сибири. Так я получила ещё один шок, узнав, что на самом деле наша мама жива. И я возненавидела её за всё, что мне пришлось пережить! Как она могла с нами так поступить? Как могла бросить нас и не писать, если она была жива? Ведь она так любила меня и братьев! Как же можно предать любовь? Разве может поступить так настоящая мать? В моей детской голове не укладывалось это, и, наверное, чтобы защитить себя от боли и отчаяния, я невольно допустила в свою душу ненависть. И прожила с ней долго...

Мне не хочется вспоминать своё детство, не хочется копаться в прошлом. Только я понимаю, что без этого я не смогу объяснить, почему мне хотелось, чтобы свекровь приняла меня как родную дочь.

Как я упоминала, моё детство прошло в небольшом южном городе Солнечногорске. По тем временам семья с тремя детьми ещё не считалась многодетной, мы жили скромно, если не сказать более жёстко – бедно. И не совсем благополучно.

Отец, я не помню, чтобы называла его папой, кроме знаменитой в те годы фамилии Ларин, ничего мне в жизни не оставил – ни наследства, ни добрых о нём воспоминаний. Был он человеком малообразованным, грубым, жёстким, до садизма, и нелюдимым. Хотя внешность имел приятную – высокий, подтянутый, с копной русых вьющихся волос, с упрямым подбородком и светлыми, но холодными, глазами. Я не помню его улыбку или смех, я не помню, чтобы он играл с нами, детьми, в какие-нибудь игры, я не припоминаю ни одного разговора по душам.

А в народе говорят, что отец всегда мечтает иметь мальчика, а любит больше дочь. Ни я, ни мои два брата, старший и младший, отцовской любви не ощущали. Мы даже не представляли себе, как настоящий отец должен любить детей. Мне всегда казалось, что мы ему постоянно мешаем, чем-то досаждаем или делаем что-то не так. Я его панически боялась, до дрожи во всём теле, до заикания! Боялась его тяжёлого взгляда из-под мохнатых бровей и его тяжёлой руки. Да-да, он часто в порыве злости и какого-то бессильного отчаяния поднимал на нас не просто руку, а брал ремень и стегал до тех пор, пока мы не забивались под кровать. Я тихонько радовалась, когда он уезжал в командировку, чувствуя некоторую свободу. А уезжал он часто, даже в то время, когда мама с нами уже не жила. Он работал проводником вагона дальнего следования. Я потом, когда у меня самой появились дети, часто думала – как он мог оставлять нас одних, без матери, на два-три дня? Надеялся на бабушку Дашу, живущую с нами по соседству? Так она видеть его не могла после того, что он сделал с её дочерью! Как мы вообще выжили без денег и нормальной еды, ведь он оставлял нам, как сейчас помню, 32 копейки, ровно на две булки серого хлеба! И это не во время войны... Так что о чувстве голода, когда сосёт под ложечкой и хочется хоть что-нибудь пожевать, я знаю хорошо. Удивительно, что в таких условиях никто из нас не начал воровать! Кстати, мы в школе никому не говорили, что отец нас бьёт, а мачеха выгоняет из дому. Мы не привыкли жаловаться и не ждали ни от кого помощи. Смирились со своей безрадостной судьбой. Старший брат Витя не отличался в школе примерным поведением и хорошей учебой, но по кривой дорожке не пошёл. Младший Серёжа и вовсе рос болезненным и беспомощным, он везде и всюду бегал за мной хвостиком. Плакал, не понимая, где наша мама и скоро ли она вернётся.

Я повзрослела рано и очень быстро, до прихода в дом мачехи, заменила братьям мать – я научилась готовить борщ, картошку, макароны, яичницу, я стирала вручную их рубашки и носки, я собирала их в школу. Не знаю, откуда у меня возникла уверенность, что все мои детские переживания и трудности останутся позади. В десять лет я дала себе слово, что когда-нибудь напишу о своей жизни роман и стану, конечно же, знаменитой. А пока... – надо учиться только на отлично! Иначе я так и останусь за бортом жизни.

Как я завидовала одноклассникам, у которых было всё – любящая мама, дружная семья, модные наряды и светлое будущее. Мне выпала доля добиваться всего самой. Я решила развивать свой ум при помощи шахмат и к окончанию школы имела уже первый взрослый разряд, выполнив норматив в мужском турнире. Я, как могла, следила за своим здоровьем, делала по утрам зарядку, ходила в школьную секцию баскетбола. Зимой каталась на лыжах, закреплённых ремнями на валенки, любила с братьями гонять по улице на велосипеде и научилась плавать. А школу, как и задумала, окончила с золотой медалью.

Повзрослев и став мудрее, я решила как можно больше узнать о семьях отца и матери. На каникулах поехала к маминой сестре, и тётя Марина рассказала мне удивительную историю. Оказывается, отец хотел жениться на ней. Они подали в загс заявление, но в ночь перед свадьбой тётя вдруг отчетливо поняла, что совершает в жизни непоправимую ошибку. Она отказала жениху и уехала к маме, моей бабушке Дарье, в небольшой южный городок. Через некоторое время отец приехал следом и умолял Марину выйти за него замуж. Она наотрез отказалась. Тогда бабушка предложила:

– Давай я тебя познакомлю со своей старшей дочерью Лилией. У неё и характер мягче, и красотой её судьба не обделила.

Так мама вышла замуж за жениха своей младшей сестры, зная его всего... три дня. Не надо забывать, что недавно закончилась война, и женихов на всех не хватало. А если учесть, что отец в молодости был хорош собой, то скоропалительный брак матери можно как-то понять. Вот только бабушка всю жизнь не могла простить себе, что сосватала дочери такого мужа. Она часто говорила мне:

– Машенька, это я виновата в несчастной доле своей старшей дочери... Да и в том, что ты выросла практически сиротой...

Я помню маму не чётко, как в каком-то предутреннем сне – она молодая, красивая, в голубом шифоновом платье и какой-то причудливой шляпке. Она, как говорила бабушка, с детства была мягкой, доброй и сострадательной. Она не могла равнодушно пройти мимо чужого горя, жалела не только людей, но и бродячих собак и кошек. Это от неё передалось мне умение хорошо шить, вязать, вышивать и готовить. Хотя сама она меня этому не учила. Я почти ничего не помню из того отрезка жизни. Была любящая мама, и вдруг её не стало... Оказывается, всё было как в плохом романе – мама не выдержала жестокого обращения отца, который бил её и заставлял заниматься спекуляцией, а, кроме этого, часто изменял ей в командировках. Она нашла для себя выход – начала пить. Сначала за компанию с отцом, потом уже и сама. От нас этот факт тщательно скрывали, отводя нас к бабушке во время семейных скандалов. А потом был суд...

Несколько лет мы жили только с отцом, но, как я упоминала, недалеко от бабушки Даши. Она перебивалась случайными заработками и материально внукам помочь не могла. Зато поддерживала в трудную минуту добрым словом и даже защищала от несправедливого гнева отца. Жили мы во временке, наскоро построенной отцом по приезду в город. Там было печное отопление и всего две маленьких комнаты, где пройти можно было, только отодвинув старую мебель. Питались и одевались плохо. Отцу было жалко тратить на детей, да и на себя тоже, заработанные деньги. У него была одна страсть: складывать их на сберегательную книжку. За что он потом и поплатился. Забегая вперед, скажу, что при распаде СССР, когда заморозили счета, у него осталось сорок тысяч рублей! На них можно было купить в то время четыре хороших дома. Видно, не пережив такого удара, он вскоре умер.

По-видимому, патологическая жадность отца, его угрюмость, нелюбимость и «приданое» в количестве троих детей долго не способствовало поиску спутницы жизни. Приходили какие-то женщины в дом, но, сколько их было, какие они, я не помню. Задерживались они недолго. Я оценивала их и понимала, что никто из них не сможет заменить мне мать. Но в то же время я очень хотела её иметь! Только бабушка знала, как мне не хватало маминой улыбки, ласки, доброго слова, участия, заботы, одобрения и понимания. Не хватает и до сих пор, хотя я давно сама стала мамой и бабушкой...

Наконец, когда я уже училась в пятом классе, отцу повезло. Он нашёл женщину – несимпатичную, толстую, крикливую, и к тому же – неряху. А нам – настоящую мачеху, о которых хорошо написано в русских сказках: злую, своенравную, ничего не умеющую делать по хозяйству. И у молодой мачехи, а она была младше отца на 12 лет, вскоре родились две дочери подряд. Меня, неугодную падчерицу и моего старшего брата, чтобы не мешались под ногами, она решила, нет, не в лес отвести, а сдать в интернат.

В 60-е годы прошлого столетия даже дети знали и любили актрису Анну Ларину. Я тоже несколько раз смотрела фильмы с её участием и гордилась тем, что героиня была моей однофамилицей. Мечтала ли с ней встретиться? Нет, я была реалисткой. Зачем мечтать о несбыточном? Анна Ларина купалась в лучах славы, а неизвестная ей девочка Маша замкнулась в своем горе: я не могла простить отца, который не воспротивился моему изгнанию из родного дома. Я была в отчаянии и даже вынашивала мысль о самоубийстве. Но, видно, Бог оградил меня от такого шага.

Но вернемся в интернат. Я долго ни с кем не хотела разговаривать. Держалась особняком, искала по коридорам брата. Когда дети узнали мою фамилию, то начали приставать с вопросами:

– Анна Ларина – твоя родственница?

И я не выдержала, соврала:

– Это моя мама, она всё время в разъездах, то на съёмках, то на фестивалях. Ей некогда за нами смотреть, а на каникулах она обязательно заберет нас в Москву!

По-моему, дети мне поверили. Долго ли продолжалось вранье? Нет. В интернате я выдержала около двух месяцев, а потом сбежала к бабушке Даше в её небольшой, но такой родной, дом.

Только через много лет я узнала, что было общего между моей мамой и той знаменитой актрисой. Они обе рождены в феврале, почти ровесницы. Обе – красавицы. Почему же к одной судьба была так благосклонна, а другая пустила свою жизнь под откос?

Растревожив свою душу воспоминаниями, заснула я под утро. Саша встал, тихонько оделся и ушёл, оставив записку:

«Машенька, родная моя! Я слышал, когда ты легла спать и не стал тебя будить. Отдохни, я скажу Дине, что ты приболела, пусть тебя не отмечает в журнале. У меня четыре пары, приду поздно. Целую! До встречи!»

Забота и нежность мужа тронула меня до слёз. И почему я после свадьбы стала такой сентиментальной? Гормональный сбой?

На пятом курсе университета мы с мужем устроились на работу лаборантами на полставки. Саша ещё на той злополучной деревенской свадьбе заявил маме, что на свою семью он будет зарабатывать сам. И просил её денег больше не присылать. Нина Даниловна сокрушалась по этому поводу, потому что чувствовала перед сыном вину, что он так рано покинул дом, и эту вину она хотела искупить хотя бы тем, что помогала Саше получить высшее образование. Зато отчим был рад, и через некоторое время они совместно накопили денег на машину. В следующий наш приезд Григорий Иванович с гордостью встречал нас на новеньком «Москвиче». Но это будет летом, а пока наши дни были расписаны по минутам – работа над дипломами, подготовка к госэкзаменам, полдня в научно-исследовательском институте, спортивные секции и, конечно, встречи с друзьями.

Ко мне частенько забегала Маринка, она училась на экономиста и была младше меня на год. Но разницы в возрасте мы с ней не ощущали. Как я уже упоминала, мы с ней познакомились в стройотряде два года назад, куда нас взяли в качестве поваров. Нет, тогда никто не требовал диплома повара, чтобы поехать в стройотряд на такую непрестижную работу. На собеседовании нас спросили, что мы умеем готовить, и ответами остались довольны. Честно сказать, ни я, ни Маринка никогда не готовили на сорок человек, и мы слабо себе представляли, как справимся с обязанностью поваров в посёлке, затерянном в тайге. Зато мы сразу поняли, что мы с ней – родственные души. Нас даже многие принимали за сестёр, а мы и не пытались это опровергать, ведь не только характерами, но внешне мы с ней были похожи. Помню, как вечером мы собирали вокруг себя наших друзей мужского пола, жгли костёр и пели душевные песни. Можно этому не верить, но у неё и у меня в то время было много парней, с которыми мы по-дружески общались и просто разговаривали на разные темы. Все знали, что у меня есть в стройотряде парень Виталий, а Маринка ждёт своего солдата из армии. Они с Валентином росли вместе, ходили в одну школу, их роман начался в девятом классе. Когда мы работали в стройотряде, она ждала его уже три года, он служил во флоте и скоро должен демобилизоваться. К чему я вспомнила наше знакомство с Мариной?

Мы с ней жили в отдельном домике вдвоём и перед сном долго разговаривали на всякие темы. Как-то Марина сказала:

– Знаешь, Маша, мне очень повезло с будущей свекровью. Во-первых, у неё нет своей дочери, а только два сына, а во-вторых, она такая добрая и отзывчивая! Когда Валя только начал за мной ухаживать, она сразу начала называть меня дочкой! Да, я понимаю, что у нас в деревне часто к девушкам так обращаются пожилые женщины, но в её устах слово «дочка» звучало как-то по-родственному. Когда Валентина забрали в армию, мы на проводах стояли

рядом. Она обняла меня и прошептала: «Не плачь, моя милая, всё у вас будет хорошо. Валя тебя любит, да и мне ты уже дочкой стала. Заходи к нам почаще!»

– Да, Маришка, повезло тебе. А ты как её называешь?

– Пока тётя Клава, как и раньше. Когда поженимся, наверное, мамой буду звать. Но не уверена. Они от нас живут недалеко, моя мама с тётей Клавой вместе на ферме работают. Я не представляю себе, как я при своей маме чужую тётю так же буду называть. А, не хочу ничего загадывать! Как будет! – Марина жила сегодняшним днём и не любила гадать на кофейной гуще. Вообще, у неё лёгкий и весёлый нрав. И я её очень любила!

– Мне тоже хочется хорошую свекровь. Только я боюсь, если выйду замуж за Виталия, то она замучает меня своей ревностью. Он у неё один единственный, растёт без отца. Не скажу, что по характеру он маменькин сыночек, но женщины, воспитывающие в одиночку сыновей, чаще всего надеются, что именно он им станет надеждой и опорой в старости. К жене, мне кажется, будет сильно ревновать и всеми силами будет отодвигать её на второй план. А я так не хочу!

– Маша, не бери в голову! Она, слава Богу, живёт где-то далеко, и вряд ли с тёплых краёв приедет в Н-ск. А, если честно, то о свекрови тебе рано думать. Мне кажется, что вы с Виталием друг другу не подходите. Сколько его вижу, всё время он хмурый, раздражённый и не разговорчивый. А ты весёлая, непредсказуемая и озорная. А ещё отзывчивая, добрая, покладистая, выдержанная. Я вообще не вижу в тебе недостатков! А он... Даже говорить не хочу! Заметь, ведь ни разу к нам в компанию вечером не пришёл! Тебе не кажется это странным?

– Он говорит, что с непривычки очень устаёт. Да и сердце у него больное.

– Зачем он тогда поехал в стройотряд?

– Хотел маме помочь.

– Вот, видишь, на первом месте всё же мама! – Маринка сказала это то ли с вызовом, то ли с торжеством.

– Да я понимаю, что всё у нас ещё не определено, как раз в стройотряде и посмотрю, какой Виталий на самом деле...

Здесь, в далёком таёжном посёлке Аякс, я впервые, вместе с Мариной, начала дневниковые записи. Вот какая страничка мне попала, когда я листала пожелтевшие листы в толстой тетрадке с коричневым переплётом:

«7 августа 1970 года. Как жить дальше? Как мы с Мариной сможем пробыть тут ещё месяц? В отряде, который так можно назвать с натяжкой, случилось странное, страшное и непредвиденное событие. Виталия выгнали из отряда якобы за плохую работу. Как это несправедливо! В той ситуации, когда командир по полмесяца отсутствует и не определяет фронт работ, выгонять в первую очередь нужно его! И многих других. Часть ребят, да и мы с Мариной, встали на защиту Виталия. Мы сочинили письмо, где пришлось изложить все факты, доказывающие вину командира. И отправили его с водителем в трест, от которого работаем. Или мы неправильно поступили? Но ведь хочется справедливости! Осадок горький остался в моей душе и после собрания, и после письма. Наверное, мы заварили такую кашу! Хотя на данный момент ничего исправить нельзя – Виталий собирает вещи и скоро уедет домой на попутном транспорте. А мне остаётся ждать и мучиться».

Не разберусь в себе. После собрания плакала от обиды и злости, и от... жалости к Виталию. Да, именно от жалости! Вот, он уехал, а я даже не заплакала! Просто на душе пустота. Думать больше ни о чём не хочется. И видеть никого не хочу! Уйти в сопки, что ли? Заблудиться, чтобы никто не нашёл? Нет, так нельзя! Кто же тогда будет бороться за справедливость? Нужно жить и быть сильной, ведь именно об этом я при расставании говорила Виталию. А мне о многом предстоит подумать. Хватит плыть по течению, хватит быть беспечной девочкой. Мы с Виталием достаточно взрослые люди, и пора думать головой! Да, мне не хватает опыта в

общении с противоположным полом, но такой урок, какой я получила сейчас, даром тоже не пройдёт. Нужно учиться всему, особенно разбираться в своих чувствах!»

Оказывается, права была Марина, когда говорила о том, что рано я сокрушаюсь по поводу свекрови. После стройотряда мы с Виталием проговорили почти целую ночь и решили остаться друзьями.

А теперь у меня есть мой любимый Саша и заботливая свекровь. Все свои письма она начинает с того, что здороваешься сначала со мной, а только потом с Сашей. Всегда интересуется моим здоровьем и делами в учёбе. Как-то само собой вышло, что на письма стала отвечать я. Мужчины, как я поняла, не любят писать письма. Устав напоминать мужу, что пора ответить маме, я как-то села и сама ей написала. В письме мне было не так страшно назвать её мамой. Так у нас и повелось – мама и дочка. Ах, если бы так и было всегда!

Если говорить о чувствах, то по отношению к Нине Даниловне я испытывала жалость, особенно после того случая на свадьбе. Потом, наблюдая за её жизнью во втором браке, я не могла понять её как женщину – почему она сама себя не ценит и не уважает? Почему позволяет мужу издеваться над собой? А если человек не любит себя, то как к нему будут относиться окружающие? Мне очень хотелось полюбить свекровь и быть к ней ближе, но вот это неприятие её как женщины не давало мне такой возможности. А жалость разве равна любви? Да, я сочувствовала ей, старалась в письмах поддержать её, сказать какие-то приятные слова, но, как я теперь понимаю, любви к ней не испытывала со дня нашей свадьбы. Зато их с Григорием сынишку Игорька полюбила с первого взгляда! Такой славный мальчуган был! Любопытный, озорной и в то же время застенчивый. Помню, как после свадьбы он прокрался в мою комнату и положил около кровати букетик полевых цветов. Я не стала открывать глаза, притворившись, что ещё сплю, но потом спросила его, где он набрал цветов. Он помотал головой и убежал. Мы с Сашей в то лето часто брали его с собой на прогулки, а дома он старался быть ко мне ближе. Нина Даниловна уходила на работу рано, а приходила поздно. Ей некогда было заниматься сыном, читать ему сказки или играть. Мне так показалось, что мы с ним похожи, ему тоже не хватало материнской любви.

Глава 3

Последняя встреча

Никогда и никому я не рассказывала о последней встрече с родной матерью. Ни близким подругам, ни мужу. Слишком больно, невыносимо больно было об этом вспоминать. И неправда, что время лечит. С той последней встречи прошло уже больше сорока лет, а я помню всё до мельчайших подробностей...

Стоял яркий солнечный день. Я приехала поездом из Сибири на первые летние каникулы в Солнечногорск, предвкушая встречу с любимым городом, роднёй и друзьями. На перроне меня встретил младший брат Сергей, возмужавший шестнадцатилетний паренёк, и забрал у меня сумку с вещами. Немного уставшая после трёх суток, проведённых в поезде, я нетвёрдой походкой пошла за ним по центральной аллее. До дома, где жил отец с семьёй, был всего один квартал, поэтому смысла садиться в троллейбус просто не было. Я смотрела по сторонам, узнавая и не узнавая город, в котором выросла. Вроде те же покрашенные в зелёный цвет скамейки, где мы часто сидели с подругами, те же голубые ели, посаженные по обеим сторонам от аллейки, те же розы и кустарники, но уже не было у меня ощущения причастности ко всему, я уже была другой и смотрела на всё другими глазами. Я вдруг отчётливо поняла, что теперь я здесь только гостя, и никогда, ни при каких обстоятельствах, не вернусь жить в родной город. Люди не любят возвращаться туда, где их ждут на каждом углу печальные или трагические воспоминания... К сожалению, это лето не стало исключением.

– Доченька, сынок, родные мои! – я не сразу поняла, что эта неопытная женщина с непричёсанными волосами и в сильном подпитии обратилась именно к нам.

– Маша, не обращай внимания, пошли скорее! – брат схватил меня за руку и постарался пройти мимо... да, мимо нашей родной матери. Я с трудом смогла бы узнать её, если бы она нас не окликнула.

– Ну куда вы, не узнали родную мать? Я же вас воспитывала! А вы теперь от меня отворачиваетесь... Все, все меня покинули, – мать шла за нами, причитая и выкрикивая ругательства, стараясь догнать и забежать вперёд.

Мы ускорили шаг, почти побежали. В тот момент я ничего не соображала. Я только чувствовала, что моя последняя надежда, что мама вернулась в родной город и начала нормальную жизнь, рухнула в одночасье... В груди kloкотала боль и ярость.

– Прости, не успел предупредить тебя, – сказал брат, когда женщина, которая нас когда-то родила, а потом променяла на водку и разгульную жизнь, отстала. Ничего не изменилось в её и моей жизни! А ведь из-за матери я уехала в Сибирь, за тридевять земель, в незнакомый и суровый край, где осталась одна, без подруги и родни. Слёзы катились градом, я попросила брата присесть на скамейку во дворе нашего дома. Я не хотела, чтобы отец и мачеха видели мои слёзы и отчаяние.

– Да не плачь ты, не стоит она твоих слёз! – брат пытался меня успокоить чисто мужским способом, похлопав по плечу.

– Сейчас, сейчас, – я вытирала слёзы руками и дышала глубоко, чтобы успокоиться.

– Маша, ты ли это? – к скамейке подошла Милена с ярко накрашенными губами и стрижкой «каре». – Ты плакала? От радости, что ли?

– Милена! – я вскочила и кинулась обнимать подругу, – а ты разве не получила моё последнее письмо, где я сообщала о своём приезде? Я думала, что ты меня встретишь! Впрочем, хорошо, что не встретила... Ладно, или вечером увидимся, или завтра, нам домой пора, родители уже заждались.

– Хорошо, жду звонка! Телефон тот же, – и Милена отправилась в свой подъезд.

Отец с семьёй, младшим моим братом и двумя маленькими дочками от второго брака, жил на первом этаже в трёхкомнатной квартире с маленькой кухней и проходными комнатами. Мы позвонили.

– Иду, иду, – раздался голос мачехи. Когда она открыла дверь, то я за последний час испытала второй шок. Передо мной стояла расплывшаяся тётка в драном домашнем халате и стоптанных тапочках.

– Маша! Проходи! Мы с отцом уже заждались! – мачеха тараторила без умолку, не зная, как ей со мной себя вести. – Я обед приготовила, Сергей, проводи сестру в её комнату!

– А, вот и Маша! – отец вышел из ванной, где, видимо, брился, потому что на щеке ещё видны были остатки пены. – Так, всё же косы обрезала! А ведь я тебе не разрешил!

– Папа, мне уже восемнадцать, я уже больше года сама распоряжаюсь своей жизнью, – я говорила примирительным тоном, но отец взорвался.

– Ишь, самостоятельная какая! Ты к нам в дом приехала, и тут я хозяин. Будешь делать то, что я скажу!

– Ваня, ну что ты с дороги на девочку набросился? Пусть умоется, да давайте пообедаем, – Нюра, хотя и сама любила перепалки, решила на сей раз меня защитить.

– Ладно, проходи, потом поговорим о твоей самостоятельности. – в голосе отца мне послышалась угроза. Или показалось по старой привычке?

Я поставила сумку около дивана, на котором когда-то спала, прошла в ванную, умылась и зашла на кухню. Там, как и при мне, стоял маленький столик, за которым умудрялась размещаться не такая уж и маленькая семья – пять человек. Старший брат Витька от родителей ушёл либо на квартиру, либо к женщине. Никто этого доподлинно не знал, потому что он окончательно поссорился сначала с мачехой, потом и с отцом. Об этом мне сразу же доложили за обедом, с обидой и раздражением. Я молчала. Если честно, мне и так после нечаянной встречи

с матерью было не по себе, а ещё выслушивать претензии к брату, который мне давно не писал, сил не было. Я с тоской поняла, что хороших каникул у меня не будет. Если раньше, когда бабушка Даша жила по соседству, я в удобный момент могла ускользнуть из дому и хотя бы с ней нормально поговорить, то теперь я сразу почувствовала себя в клетке. Моя любимая бабушка после расселения нашего частного сектора после сноса домов жила на другом конце города... И она пока не знала, что я сегодня приехала.

В этот вечер мне не удалось вырваться из дому. Вечером привели из садика сестёр, четырёх и двух лет, и они повисли на мне, как говорят, гроздьями. Конечно, я привезла им небольшие подарки, пластмассовых кукол, и они просили их раздеть и вырезать из бумаги новые наряды. Мы возились в большой комнате, а родители сидели на диване и наблюдали за нами. Потом отец сказал:

– Я смотрю, вы поладили, тогда мы с матерью съездим на дачу на несколько часов, там клубнику собрать надо, помидоры полить.

– Хорошо, согласилась я, – зная твёрдо, что возражать бесполезно.

Когда родители ушли, я попросила сестрёнок поиграть немного вдвоём, а сама пошла звонить Миле.

– Маша, наконец-то! Я тебя уже заждалась! Приходи! Мои на дачу уехали!

– Мои тоже. Только мне сестёр оставили, так что вырваться к тебе сегодня не смогу. А к себе не приглашаю, тут у них везде такой беспорядок, что мне самой не хочется находиться, а тем более, гостей принимать!

– Как жалко! А завтра придёшь?

– Завтра с утра хочу к бабушке съездить, а потом не знаю. Отец сказал, что буду жить по их расписанию. А я, наивная, думала, что здесь хоть что-то поменялось... Ой, Мила, чувствует моё сердце, что не выдержу тут и двух-трёх дней! И зачем я сюда ехала? Чтобы бесплатной нянькой у них быть?

– Да, подруга, у меня родители не подарок, но и тебе не позавидуешь. Не расстраивайся! Всё же надо надеяться на лучшее!

– Да не на что мне надеяться... Мне же денег нужно будет на обратную дорогу, а у меня их нет. Значит, придётся терпеть. Два месяца – это много!

– Ладно, не грусти, пока!

Предчувствия меня не обманули. На третий день пребывания в родительском доме разразился скандал из-за того, что я не называла мачеху мамой.

– Ты посмотри, какая неблагодарная! – кричал отец. – Она тебя как родную дочь приняла, а ты никак её не называешь! Да, тебе привычнее называть мамой пьяницу! Вот и иди к ней!

Я молча начала собирать вещи.

– Хочешь уйти? Давай, иди! Только знай, что возврата не будет! Да и кому ты нужна? Той пьянчуге, которая ходит по улицам и позорит меня? Бабушке своей любимой? Так у ней гроша за душой нет! Думаешь, тёткам нужна? – видимо, ему доставляло удовольствие унижать меня и хлестать словами, словно бичом.

Я не отвечала, я стиснула зубы, я старалась изо всех сил, чтобы ни одна предательская слезинка не сползла по щеке. Я превратила своё кровоточащее сердце в камень.

Больше никогда в жизни я не появлялась в доме отца и мачехи...

То лето я старалась забыть, как страшный сон. С вещами я поехала к бабушке, где была прописана моя мать. О её фактическом проживании никто не знал. Только вот с её долгами пришли по месту прописки. Бабушка была в отчаянии! Чтобы помочь ей отдать деньги, которые заняла её непутёвая дочь и моя мать, мне пришлось устроиться временно поработать санитаркой в больницу.

Уезжала я из родного города с израненным сердцем, разбившимися вдребезги мечтами и с такой ненавистью к родной матери, которую словами не опишешь.

А теперь я сижу на диване в общежитии и у меня на коленях лежат её письма, из которых я прочитала только одно. Воспоминания о том лете не добавило оптимизма, и я сидела, глубоко задумавшись.

– Машенька, о чём задумалась? – спросил с порога Саша. – Я смотрю, ты вот-вот заплачешь, – увидев письма, добавил:

– Маш, отдай мне, не нужно тебе сейчас их читать. Ты не готова к таким испытаниям!

– Пожалуй, ты прав, нужно отложить на неопределённое время, – я отдала письма мужу, и он их спрятал на дно чемодана.

– Знаешь, что? Собирайся на прогулку, давно мы с тобой не были на Обском море. А после распределения, когда каждый день будем ходить на работу, нам и вовсе некогда будет посидеть на берегу.

– Да, сейчас оденусь, – сказала я рассеянно, – я никак не могла отойти от своих печальных воспоминаний.

Быстро накинув болоньевую курточку голубого цвета и шарфик, связанный этой зимой из мохера, я вслед за Сашей вышла из общежития. На улице было тепло и солнечно. Весна в этом году пришла быстро, буквально за неделю растаяли огромные сугробы. Снег, чёрный и некрасивый, кое-где ещё лежал, но мы не обращали на него внимания – это была последняя весна в университете. На занятия мы не ходили, мы усиленно писали дипломные работы, пропадавая кто в библиотеке, а кто в лаборатории. Муж вместе с руководителем проекта делал какой-то уникальный прибор, мне же пришлось переводить довольно сложный текст с русского на английский. Кроме диплома, я должна сдавать устный экзамен. Как и всем студентам выпускного курса, нам трудно было найти время для отдыха, и всё равно тот отрезок жизни можно назвать счастливым. Нам было интересно учиться, узнавать новое, но в то же время и немного грустно, что скоро расстанемся с привычным за пять лет укладом жизни.

Когда мы подошли к Обскому морю, то увидели на берегу бревно.

– Кто вперёд до него добежит, тому приз, – крикнула я и помчалась с горки на пляж.

Саша в два прыжка догнал меня, схватил за руку, и мы вместе с разбегу сели на бревно. Саша меня обнял и крепко поцеловал в губы.

Я замотала головой и оторвалась от него:

– А если кто увидит?

– Да никого тут нет! – муж ещё ближе сел ко мне и заглянул в глаза.

– Маша, я тебя так люблю! Ты даже не представляешь, как сильно! Уже год после свадьбы прошёл, а я всё не могу поверить в своё счастье! Неужели так бывает? А ты?

– Я тоже тебя люблю и рада, что вышла за тебя замуж., – в семье, где я выросла, никто не говорил мне о любви. Наверное, поэтому произносить такую фразу мне было трудно и непривычно.

– Вот только мне кажется, что Нина Даниловна не совсем приняла меня, хотя внешне ничем не показывает. Знаешь, я всё же побаиваюсь ехать к вам этим летом...

– Маш, перестань говорить ерунду! Мама к тебе прекрасно относится! В каждом письме, в основном, к тебе обращается, вроде я и не сын ей. Это я ревновать должен!

– Зачем? Давай лучше поговорим о предстоящем походе. Ты уже опросил своих ребят, кто готов с нами по горам-по долам?

– Нас будет семь парней и ты одна, как королева. Только Алик не сможет, он завербовался в экспедицию на Север.

– Как жалко! А из моих подруг все сразу отказались. У Дины скоро свадьба, Маринку в деревне ждут, бывшие соседки по комнате и вовсе на меня руками замахали – какой поход, если диплом на руках будет! Кто-то сразу приступает к работе, кто домой едет...

– Ну и хорошо, что руководить буду парнями, с вашим братом нелегко в суровых условиях, ведь придётся двести км пешочком топать по бездорожью, по буреломам и горным рекам. Ты сама готова?

– А чего мне бояться? Ты же со мной! – мы снова поцеловались, а потом, взявшись за руки, вернулись в общагу.

Время летело стремительно. В июне прошла защита диплома, а потом распределение на работу. В советское время каждый выпускник вуза должен был отработать три года в том месте, куда страна направит. Многие наши сокурсники остались работать в Академгородке, а нас с Сашей отправили вместе в Н-ск на закрытое предприятие. Его инженером с окладом в 115 рублей, меня – переводчиком с окладом в 110 рублей. Обещали премию, если хорошо себя зарекомендуем. И в договоре стоял пункт о предоставлении жилья в течение 2-3 лет. Это обнадёживало, потому что надеяться на покупку кооперативной квартиры нам не светило, не было у нас богатых родителей. Общежитие завод не предоставлял, поэтому перед последними каникулами нам нужно было найти съёмную квартиру или комнату.

Тогда не было ни интернета, ни газет с объявлениями. Комнату искали среди знакомых или просто заходя во дворы и спрашивая всезнающих бабушек, сидящих на лавочках возле подъезда. Нам сначала повезло, мы нашли благоустроенную отдельную комнату в трёхкомнатной квартире. Конечно, вместе с хозяйкой. Мы перевезли туда свои вещи, закрыли комнату и отправились в поход по Западным Саянам.

Если не считать, что на третий день похода я сильно подвернула ногу, и мы чуть не утопили одного из парней, то всё у нас получилось. Спуски и крутые подъёмы, непролазные заросли и бурные реки, снег на вершине одной из гор, форель в озёрах... и ни одной живой души в округе ста км! Вот она – молодость! Мы не побоялись пройти неизведанными тропами и даже мысли не допускали, что с нами что-то может случиться! После десяти дней похода мы вышли на трассу, сделали большой праздничный привал с тортом на костре, а потом разъехались в разные стороны на попутных машинах, как оказалось, расставшись навсегда. Нам с Сашей повезло – в сторону Абакана через Саяны, где мы недавно ходили, шёл попутный Камаз, затем мы пересели в автобус и добрались до посёлка его родителей.

Первым нас встретил Игорёк:

– Маша приехала! Ура! И Саша тоже! Mam, иди встречай гостей! – мальчик подрос и стал ещё более стеснительным, не дал себя обнять и поцеловать.

– Да какие же это гости, они свои, родные! – Нина Даниловна вытерла о фартук руки и по очереди нас обняла. – Вот, снова с рюкзаками! И хорошо! У нас ведь ремонт, спать вам негде. Или в сенцах, или в огороде ставьте свою палатку!

– Нам в палатке привычнее, – ответил Саша. – Покажи, где её ставить.

– Давай чуть позже, накормлю вас, потом располагайтесь. Я отпуск взяла, чтобы ремонт закончить, а Гриша на работе. Вечером придёт.

Игорёк немного освоился, доверчиво взял меня за руку. Мы вместе зашли на кухню, я села на скамейку, а он забрался ко мне на колени.

Здесь ничего не изменилось – та же печь с деревянным отоплением, те же табуретки и деревянный стол. Нина Даниловна, как и в прошлый приезд, налепила пельменей, в Сибири это было дежурным блюдом. Пельмени были большими и сочными, с настоящим мясом, без каких-либо добавок, кроме лука и чеснока. Таких пельменей мы с Сашей не ели с прошлого лета! От одного вида у нас потекли слюнки.

– Mam, так хочется твоих пельменей! Давай помогу бросать в кастрюлю!

– Да что ты, сынок, садись и тоже жди. Лучше расскажите, как поход прошёл.

– Всё нормально. Парни остались довольны, многие из них никогда в таких походах не были. Но все оказались надёжными, нытиков не было!

– А я? – мне так хотелось, чтобы Саша меня при матери похвалил.

– Мам, а Маша вообще молодец! И готовила нам, и стихи читала, и штопала, а на прощание даже торт испекла! Со сгущёнкой и изюмом!

– Правда?– удивилась Нина Даниловна, – вы и муку с собой брали?

– Немного, чтобы рыбу жарить. Из оставшейся я прямо в кастрюле испекла несколько коржей, смазала сгущёнкой и посыпала изюмом. Сама по ходу рецепт придумала.

– Видишь, какая придумщица! Мне с ней повезло, из топора кашу сварить сможет – Саше, видно, хотелось похвалить молодую жену.

– Вот и хорошо, – ответила свекровь и посмотрела на меня, – будешь готовить, пока мы с бабушкой ремонтом занимаемся. Полы Гриша перестелил, нам осталось стены побелить, да двери и окна покрасить.

– Так мы тоже готовы помогать! – воскликнула я с энтузиазмом.

– Нет, к чёрной работе я тебя не допущу, сами управимся.

За разговорами не заметили, как пельмени сварились. К ним обычно подавалась сметана и сливочное масло.

– Может, вина налить с дороги? Или чего покрепче?

– Не, ма, не хотим. Устали на перекладных. Сейчас покушаем, поставим палатку, да и поспим хоть немного.

– Конечно, отдохните! Вечером, когда Гриша придёт, тогда и по рюмочке за встречу выпьем!

Я промолчала. Одно слово «выпьем» в моей душе вызывало такой протест, что хотелось всем крикнуть:

– Да сколько можно пить? И зачем? Неужели нельзя обойтись без выпивки? Сколько горя она принесла в семьи! Сколько душ сгубила!

Но в чужой монастырь, как говорила моя бабуля, со своими порядками не приходят...

Почему я так часто вспоминаю бабушкины пословицы? Наверное, они вошли в моё подсознание и всплывают в самый нужный момент. Спасибо тебе, моя родная, что ты была в моей жизни! Без бабушкиной поддержки я, наверное, не выстояла бы в неравной борьбе за выживание. Не дай Бог такой судьбы ни детям, ни внукам! Ни друзьям, ни врагам!

В палатке, поставленной посредине огорода, мы прожили весь месяц, на удивление соседей и знакомых. Благо, июль и август порадовали солнышком, а дожди остались там, в Саянах – косые, прямые, проливные, морозящие, холодные и не очень, но шли они ежедневно, пока мы были в походе. Только на последнем привале с утра вышло солнце и дало нам возможность просушить палатку, рюкзаки и одежду. Видно, природа над нами сжалилась, услышав мою мольбу и стенания. Я не говорю, молитву, потому что в то время мы все были комсомольцами и атеистами. Я за весь поход не слышала от ребят, чтобы они вспоминали Бога. А вот дожди и слякотную погоду ругали иногда и крепким словцом, но только так, чтобы я не слышала. И всё же поход мы потом вспоминали с теплом и любовью...

А здесь, в Туве, мы отогревались на солнышке. Мы с Сашей радовались, что нет дождей, а Нина Даниловна огорчалась:

– Если в ближайшее время не будет дождя, придётся поливать картошку. Без картошки мы не проживём, а купить её будет негде. Каждый выращивает только для себя, – мама поправила на голове платок, без которого не ходила даже дома. Наверное, она стеснялась своих редких волос, а, может, просто привыкла.

– Мама, не переживай, мы с Машей польём. Ведь вода в колодце есть? И речка не пересохла.

– Вот и хорошо! Игорёк вам тоже поможет! А мы скоро ремонт закончим, можете в дом перебираться!

– Нет, мы так и будем в палатке, – ответил Александр. – И вас не стесняем, и нам никто не мешает, кроме комаров. А против них у нас есть спрей! Мы их победили! – Саша потряс бутылкой спрея, здесь ещё его не продавали. Провинция...

– Как хотите, – примирительно сказала Сашина мама. – Но если надоест, скажите. Наверное, на земле не так мягко спать, как на моих перинах?

– Это к перинам мы не приучены, да, Маша? – муж посмотрел на меня, ожидая подтверждения.

– Точно, не приучены! Как с тобой связалась, так и сплю теперь в палатке! Видно, доля моя такая, быть женою декабриста. Но, как говорит пословица, с милым рай и в шалаше! – произнесла я шутливым тоном и щёлкнула мужа по носу.

– Машенька, ты правда на меня не обижаешься, что мы не вовремя затеяли ремонт, и тебе приходится терпеть неудобства?

– Что Вы, Нина Даниловна! Так, в палатке, гораздо романтичнее!

– Машенька, зачем так официально? Ты же для меня теперь дочка, зови меня просто мама.

– Хорошо, я сразу не могу, нужно привыкнуть.

Мы втроём сидели на кухне и пили чай. Григорий ещё не пришёл с работы, а бабушка Таня всё больше находилась в своей небольшой комнатухе и в общие разговоры не встревала. Она была глуховата и не хотела, чтобы из-за неё все разговаривали громко. Да и стеснялась того, что была малограмотна, куда, мол, мне, деревенской, тягаться с образованной молодёжью. Бывают такие люди – невидимки. Так вот, Сашина бабушка, присматривающая за внуками в их детстве, старалась жить так, чтобы никого не обременять и в тоже время быть при деле... Ещё она сильно комплексовала из-за того, что имела мизерную пенсию в 12 рублей, и кормили её дочка с зятем. А зять, как я уже упоминала, любил выпить, и в таком состоянии часто попрекал тещу куском хлеба. Мне за время проживания приходилось несколько раз это слышать, но Саша, зная, что я ненавижу пьяных и не могу смотреть, как унижают людей, особенно пожилых, предупредил меня, чтобы я не вмешивалась. Приходилось молча уходить, чтобы не присутствовать при этих ссорах. А мне было до слёз жалко старушку! Впрочем, как и Нину Даниловну. Первое время после нашего приезда отчим немного присмирел, а потом снова начал пить, и Саше стоило трудов, чтобы в такие моменты, когда он не мог себя контролировать, его утихомирить.

Так что посиделки, как правило, были у нас втроём. Иногда прибегал Игорь, но слушать наши разговоры ему было скучно.

– Маш, а, Маш! Хватит тут на кухне сидеть, пойдём поиграем в шашки!

Он брал меня за руку и корчил такую умильную рожицу, что отказать ему было невозможно.

– Игорёк, дай нам чай допить и поговорить с твоей мамой, а то мы с Сашей скоро уедем и не успеем наговориться!

Игорь надувал губы, но не уходил, пока я не соглашалась. Однажды Нина Даниловна не выдержала и отправила его спать. Потом посетовала:

– Обидчивый парнишка растёт! Хорошо, что мама за ним присматривает, ведь в детском саду с таким характером не выжить! Сдачи дать не может, бежит скорее ко мне жаловаться. К отцу боится, тот тут же накричит или подзатыльник даст. А как я хотела девочку! Но Бог дал только сыновей. – она вздохнула. – А вы когда меня сделаете бабушкой?

– Наверное, когда квартиру получим. Разве это нормально с маленьким ребёнком по чужим углам скитаться? – ответил Саша, глядя на мать.

– А когда вам её обещают?

– По договору в течение двух лет. Но бумага всё стерпит, а как будет на самом деле, посмотрим. Жалко, что даже общежития не предоставили! Хотя у них оно есть, да только

женатым почему-то не дают. Есть женское и мужское общежитие, молодёжи на заводе много. Говорят, коллектив хороший. Думаю, что мы в него впишемся. – Саша смотрел на маму, а сам держал меня за руку. Мне показалось, что свекровь как-то недовольно посмотрела на наши сцепленные руки.

– Сынок, я в этом не сомневаюсь! Дипломы у вас хорошие, почти одни пятёрки, вы активные спортсмены и комсомольцы. Всё у вас будет хорошо! Я так рада, Саша, что ты получил высшее образование! Был бы жив отец, он бы тобой гордился! Маша, я в прошлый приезд стеснялась спросить – а твои родители где? Почему ты ничего о них никогда не рассказываешь и даже не упоминаешь?

Я ждала и боялась этого вопроса, хотя понимала, что рано или поздно придётся на него отвечать.

– Я выросла в большой семье, у отца пятеро детей, трое – я и два брата – от первого брака, а две маленьких девочки – от второго. Мамы у меня давно нет, с пятого класса я жила с мачехой...

– Бедная девочка! Я вижу, что тебе пришлось нелегко, прости, что спросила. Если когда-нибудь захочешь, расскажешь, – свекровь подошла ко мне и обняла.

– Спасибо за сочувствие, но вспоминать мне о своём детстве не хочется.

– Мам, ты нас извини, мы пойдём уже в палатку, – Саша видел, что мне не легко сдержать набежавшие слёзы, и решил закончить разговор.

В это лето о моей семье больше никто не спрашивал. Почему-то все, кому я говорила, что у меня нет мамы, сразу думали, что она умерла, и не задавали больше вопросов. Меня это устраивало, потому что отвечать на них не хотелось. Зачем ворошить прошлое, от которого в душе появляется такая боль, что описать её словами невозможно?

Недели через две после нашего приезда вернулся домой и младший брат Виктор. Мать его ласково называла Витькой. С его появлением в доме чаще слышался смех, шутки и прибаутки. Бывают такие люди, которые своим появлением освещают всё вокруг. С ними легко, комфортно и просто. Если говорить о братьях, то одному достался ум учёного, серьёзность, основательность и ответственность, а другому – лёгкость характера, сверх общительность и бесшабашность. Таким я его и запомнила в то лето. Вечером Виктор брал в руки баян и играл так здорово, что хотелось слушать и слушать. Иногда мы все вместе пели. Днём втроем мы уходили в сопки, дрессировали овчарку Найду, наблюдали за птицами и просто разговаривали. Виктор тоже особо не любил отчима, но открыто никогда это не показывал. А мать он жалел, как Саша, да и я тоже. Именно при нём я в первый раз назвала свекровь мамой. А произошло это при трагических обстоятельствах.

Однажды после зарплаты Григория в пьяном виде довели до двора собутыльники и буквально втолкнули в калитку. Он еле устоял на ногах. Нина Даниловна, увидев мужа в таком виде, запричитала:

– Господи, да когда же это прекратится! Хотя бы детей постеснялся! А перед Машей тебе не стыдно? А сына своего не жалко? Ах ты, гад такой, всю жизнь мне испоганил! – свекровь взяла тряпку и начала хлестать мужа.

– Это ты на кого руку подняла, стерва? На кормилица? – и Григорий, выпучив свои красные глаза, со всего маху ударил жену по лицу. Видно, задел нос, из которого фонтаном потекла кровь. На их крики мы все выбежал из кухни – я, Саша, Виктор и Игорёк. Мальчишка, увидев кровь, закричал и упал в обморок. Что тут началось! Я подхватила Игорька на руки, Саша скрутил отчиму руки и потащил его в баню, а Виктор подбежал к матери и запрокинул ей голову. Взяв её под мышки, а она была такая маленькая, что доставала сыновьям только до плеч, он повёл её в дом, там нашёл тряпку, намочил водой и приложил к носу. Я с Игорьком, который уже открыл глаза, вошла следом.

– Что с Игорем?

– Ничего, мама, не волнуйтесь, всё уже хорошо, – ответила я взволнованно. – Вам лучше сейчас полежать. Саша, наверное, запер Гришу в бане, пусть проспится. Не понимаю, как так можно жить? С пьяницей и драчуном? – у меня до сих пор внутри всё клокотало от страха и бессилия.

– Ох, девочка моя, я и сама не понимаю. Видно, за что-то меня Бог наказал... – Нина Даниловна жалобно, по-бабьи, заплакала.

– Мама, Саша сказал, что при возможности, когда мы встанем на ноги, заберёт Вас к себе, – я погладила свекровь по руке. К нежности меня в детстве не приучили.

– Спасибо, дочка! Теперь у меня есть цель в жизни. Только бы у моих детей моя судьба не повторилась! Только бы вы были счастливы!

Успокоив и уложив Игорька, я пошла в палатку. Скоро вернулся и Саша.

– Ты расстроилась, Машенька? – муж обнял меня.

– Я потрясена, а не расстроена. Знаешь, я всё время думаю – зачем люди рожают детей, а потом всю жизнь причиняют им боль? Посмотри на Игорька, он уже запуган, а при появлении отца весь съёживается, у него, я заметила, начинает мелко трястись нижняя губа... Он его просто боится! А при виде крови и вовсе падает в обморок. Что с ним дальше будет? Как он с покалеченной психикой будет жить? Как построит свою семью?

– Но ведь мы с тобой тоже в детстве хлебнули, и ничего, выстояли, семью, я считаю, построили. И детей нарожаем, и будем их любить всей душой! – Саша крепко прижал меня к себе.

– Таких, как мы, единицы, чтобы жить всем вопреки и доказывать, что мы и сами всё сможем, мы сами сильные и самодостаточные. Не у всех детей хватает силы воли или характера, чтобы противостоять родителям, которые пьют, бьют и унижают. А, главное, – не любят их! Недолюбленные дети не смогут потом эту любовь восполнить никогда! Они инстинктивно ищут её в каждом встреченном на жизненном пути человеке, а часто не находят... Многие ломаются и потом идут таким же путём, как папаша-алкоголик. Или мамаша... Посмотри на моих братьев! Один уже почти спился, другой, хоть и создал семью, но выпивает часто, не признавая себя алкоголиком. Всё повторяется! Как разорвать замкнутый круг? Запретить пьяницам и от пьяниц рожать детей? На это в нашей стране никто не пойдёт. Отбирать и воспитывать в детских домах? Так по статистике из детдомовских детей только один их десяти не спивается и не попадает в тюрьму. А те, кто выросли порядочными людьми, всё равно, как ни стараются, забыть своё детство не смогут! Никогда!

Я уткнулась в плечо любимого мужа, а потом тихо продолжила:

– Почему родители понять не могут, что всё, буквально каждая мелочь, влияет на последующую взрослую жизнь их ребёнка? Именно родители отвечают за его жизнь и судьбу! И, если честно, Саш, я боюсь иметь детей. Какая из меня будет мать, если я не видела положительного примера? Да, я уже читаю книги по педагогике, но теория есть теория, а как всё применять на практике? Чтобы любить ребёнка и при этом не избаловать, чтобы дать ему всё необходимое и в то же время не сделать рабом вещей, чтобы быть другом и при этом иметь авторитет... Меня столько мыслей посещают! Нет, не готова я пока стать мамой.

– Да из тебя выйдет отличная мама! Я смотрю, с какой нежностью и состраданием ты к Игорьку относишься, да и он от тебя ни на шаг не отходит! Даже Гриша это заметил и ревнует к тебе! Но ты успокойся, родная, мы пока и не планируем детей. Ещё не известно, когда квартиру дадут. Будем надеяться на лучшее... А теперь давай спать, нам сегодня досталось. А маму мне очень жалко.

Утром Григория выпустили из бани, но он ничего не помнил. Помятый и злой, он ушёл на работу. Мама сделала вид, что ничего страшного не произошло. Она, видимо, часто так поступала. Мне не нравилась эта ситуация, но разговаривать со свекровью на болезную тему я не стала. Я предложила братьям собрать рюкзаки и отправиться к таинственному озеру в

горах, о котором здесь ходили легенды – озеро соединяется с Байкалом подземной рекой, в озере живёт чудовище огромных размеров, похожее на Несси в Англии, в нём совсем нет рыбы. Любопытная от природы, я сама хотела увидеть всё своими глазами.

– Маш, а ты не боишься? – спросил Виктор смеясь. – Ещё говорят, что это чудовище утаскивает в озеро красивых девушек!

– Да я с вами ничего не боюсь! Вон каких богатырей мама вырастила!

Я не видела, что в это время к нам подошла Нина Даниловна.

– Маша, куда это вы собрались?

– На таинственное озеро Сут-Коль. Саша сказал, что с мальчишками в детстве ходили туда – там очень красиво!

– Наверное, и про всякие слухи тебе рассказывал? Не верь, всё выдумки! Правильно, сходите. Только без Игорька! Не выдержит он такого длинного пути, км пятнадцать до того озера! А вы хоть дорогу помните, Саш?

– Помним. Всё время на юг, там между двух сопок, потом мимо пастбища, затем вдоль ручья, он-то и впадает в озеро.

– Только я советую вам палатку взять, чтобы по темноте не возвращаться. У нас ведь тоже на чердаке есть, не стоит свою собирать и разбирать, – мама, как мне показалось, хотела нас выпроводить, чтобы вечером самой поговорить с мужем.

– Мам, ты права! Тогда не будем торопиться, всё основательно соберём – вещи, еду, котелок. И ружьё отцово возьмём на всякий случай. На медведя оно, конечно, не годится, но поугагать им можно. Сейчас список составим, чтобы ничего не забыть, – Саша всё делал основательно.

Через час мы вышли из дому. Виктор, чтобы поднять нам настроение, начал рассказывать безобидные анекдоты. Я смеялась, но тут же их забывала. Только один запомнила на всю жизнь: «Висит обезьянка на дереве, зацепившись за лапы и хвост. – Что будет, если я хвост отпущу? – Отпустила. Ничего не случилось. – Что будет, если я отпущу одну лапу? – Опять ничего не случилось. Когда она отпустила четвёртую лапу и свалилась на землю, то почесала в затылке: «Хорошо, что мозгов нет, а то бы сотрясение было!»

Я над этим анекдотом долго смеялась!

Путь был не близкий. Под ногами то высохшая трава, то камни, а то и вода. Видели несколько гадюк, но если их не трогать, сами они не нападают. Я к ним относилась спокойно, не кричала от страха, как избалованная барышня, и не убегала. Через три часа сделали привал, перекусили и пошли дальше. Вот и ручей, вдоль которого мы должны идти. Скользко, однако! И вода холоднющая! Не удержавшись на камне, я подскользнулась, и одну ногу всё же намочила. Пришлось остановиться, снять мокрый носок и переодеть. Благо, мы с Сашей туристы с опытом, носки простые и шерстяные всегда с собой берём. И всё же мы задержались и к озеру подошли в сумерках. Ярко-багровое солнце уже коснулось глади воды, а вокруг стояла мёртвая тишина. Ни людей, ни зверей, ни птиц! Только огромные валуны разбросаны по берегу, да торчащие из воды коряги, напоминающие разные фигуры. Если посмотреть вдаль, то можно увидеть и голову чудовища.

– Маш, видишь Несси? Внимательно посмотри! Она уже движется к нам! – начал пугать меня Виктор.

– Так это оно по твою душу, ты у нас самый упитанный! – я за словом в карман не лезла, да и к пугливым барышням не относилась.

– Так, хватит умничать, давайте ставить палатку, иначе совсем стемнеет! А фонарик у нас один! – на правах командира выступил Саша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.